

ISSN 2313-6936

Научный журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**4(14)
2017**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Серия «Юридические науки»

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-58743 от 28 июля 2014 г.

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Журнал является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс Каталога российской прессы «ПОЧТА РОССИИ» – 73656

© ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых», 2017

Технический редактор
С. В. Шумов

Автор перевода
Я. В. Зайчиков

Верстка оригинал-макета:
С. В. Шумов

На 4-й полосе обложки
размещена фотография
Е. Осиповой

За точность
и добросовестность сведений,
изложенных в статьях,
ответственность
несут авторы

Адрес учредителя:
600000, г. Владимир,
ул. Горького, 87

Адрес редакции:
600005, г. Владимир,
ул. Студенческая, 8,
ауд. 203

Адрес электронной почты:
vestnikvlg.u.pravo@mail.ru
тел.: +7 (4922) 47-76-01

Подписано в печать 26.12.2017

Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 9,0
Тираж 1000 экз.
Заказ № 47/4

Отпечатано
в ООО «Издательство
«Шерлок-пресс»»
600001, г. Владимир,
ул. Студеная гора, 36а

Редакционная коллегия серии
«Юридические науки»

<i>Р. Б. Головкин</i>	доктор юридических наук, профессор (главный редактор)
<i>М. В. Новиков</i>	кандидат юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
<i>С. Ж. Айдарбаев</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. М. Баранов</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. В. Богатырёв</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>А. А. Богустов</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>И. Д. Борисова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Н. А. Власенко</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. В. Груздев</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. В. Исаенкова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>А. В. Кудрявцев</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Л. В. Лазарева</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>С. С. Новиков</i>	доктор исторических наук, доцент
<i>И. И. Олейник</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>М. Н. Раджабов</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Т. А. Ткачук</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. Д. Третьякова</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Я. В. Зайчиков</i>	ответственный секретарь

ISSN 2313-6936

Academic journal

BULLETIN

Published since 2014

4(14)
2017

OF VLADIMIR STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER ALEXANDER
AND NIKOLAY STOLETOVS

«Law science» edition

Founder Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Education
«Vladimir State University
named after Alexander and Nikolay Stoletovs»

*The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communication July 28, 2014.*

ПИ № ФС 77-58743

*The journal is included in RSCI system (Russian Science Citation Index)
powered by elibrary.ru*

The journal is peer-reviewed scientific subscription publication

Subscription Index of Russian press Catalogue «Russian post» – 73656

© Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Professional Education «Vladimir
State University named after Alexander and
Nikolay Stoletovs», 2017.

Technical editor

S.V. Shumov

Translation:
Y.V. Zaychikov

Lead out of make-up page:
S.V. Shumov

*The photo of E. Osipova
is on the 4th cover page*

*For the correctness
and work ethics
of the information stated
in the articles the authors
are responsible.*

Founder address:
600000, Vladimir,
Gorkogo Str., 87

Editorial Office address:
600005, Vladimir,
Studencheskaya Str., 8, 203
e-mail:
vestnikvlg.pravo@mail.ru
tel.: +7 (4922) 47-76-01

Signed for printing 26.12.2017

*Format 60×84/8
Conventional printed sheet 9,0
Circulation 1000 copies
Order № 47/03*

*Printed by
OOO «Publishing company ”
Sherlok-press” »
600001, Vladimir,
Studionaya Gora Str., 36a*

Editorial board of «Law science» edition

- R.B. Golovkin** – Doctor of Law, professor
(Chief Editor)
- M.V. Novikov** – PhD (Law), associate professor
(Deputy Chief Editor)
- S.J. Aydarbaev** – Doctor of Law, professor
- V.M. Baranov** – Doctor of Law, professor
- V.V. Bogatyrev** – Doctor of Law, associate professor
- A. A. Bogustov** – PhD (Law), associate professor
- I.D. Borisova** – Doctor of Law, professor
- N.A. Vlasenko** – Doctor of Law, professor
- V.V. Gruzdev** – Doctor of Law, professor
- O.V. Isaenkova** – Doctor of Law, professor
- A.V. Kudryavcev** – Doctor of Law, associate professor
- L.V. Lazareva** – Doctor of Law, professor
- S.S. Novikov** – Doctor of History,
associate professor
- I.I. Oleynik** – Doctor of Law, professor
- M.N. Radzhabov** – PhD (Law), associate professor
- T.A. Tkachuk** – Doctor of Law, professor
- O.D. Tretjakova** – Doctor of Law, associate professor
- Y.V. Zaychikov** – Executive Secretary

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Колосова Татьяна Евгеньевна <i>Понятие и значение ограничений в семейном праве</i>	7	Kolossova Tat'yana E. <i>Revisiting the Limitation in the Family Law</i>
Кулакова Анна Александровна <i>Ограничение семейных прав: проблема определения</i>	14	Kulakova Anna A. <i>The restriction of Family Rights: Problem Definition</i>
Малышкин Александр Викторович <i>Юридические санкции за нарушение этических норм: проблемы интеграции права и нравственности</i>	18	Maly'shkin Aleksander V. <i>Legal Sanctions for Violation of Ethical Norms: the Problems of Integration of Law and Morality</i>
Якушев Павел Алексеевич <i>Споры об определении порядка общения с ребенком: некоторые ценностные и правовые аспекты рассмотрения дел</i>	25	Yakushev Pavel A. <i>Disputes Concerning the Determination of Order of Communication with a Child: Some Axiological and Legal Aspects of Case</i>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Бочкарев Александр Евгеньевич <i>Электронный документооборот в гражданском процессе</i>	33	Bochkarev Aleksandr E. <i>Electronic Document Management in Civil Procedure</i>
Илюхин Андрей Владимирович, Илюхина Вера Александровна <i>Конституционно-правовые ограничения прав и свобод человека и гражданина и практика их применения учреждениями и органами ФСИН России в отношении осужденных в Российской Федерации</i>	37	Ilyukhin Andrey V, Ilyukhina Vera A. <i>Constitutional and legal restrictions on the rights and freedoms of a person and a citizen and the practice of their application by institutions and agencies of the Federal Penitentiary Service of Russia in relation to convicts in Russian Federation</i>
Кисляков Антон Валерьевич <i>Актуальность проблем ограничения прав заключенных под стражу и осужденных к лишению свободы на получение квалифицированной психологической помощи</i>	48	Kislyakov Anton V. <i>The Relevance of the Problems of Restricting the Rights of Detainees and Those Sentenced to Imprisonment for Obtaining Qualified Psychological Assistance</i>
Колосов Антон Сергеевич <i>Правовые ограничения, связанные с применением отдельных видов уголовных наказаний</i>	56	Kolosov Anton S. <i>Legal Restrictions, Associated with the Use of Certain Types of Criminal Penalties</i>

Митропан Ирина Юрьевна

*Ограничение права
на односторонний отказ
от договора оказания услуг*

**Евтюшкина Ксения Игоревна,
Пикина Татьяна Владимировна**

*Сравнительно-правовой анализ
уголовно-правового статуса
осужденных к наказаниям, связанным
и не связанным с лишением свободы*

62

*Restriction of the Right to Unilateral Refusal
of the Service Contract*

67

**Evtvushkina Kseniya I.
Pikina Tat`yana V.**
*Comparative Legal Analysis
of Criminal Legal Status of Persons
Sentenced to Punishment, Whether
or not Related to Deprivation of Liberty*

Mitropan Irina Yu.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 347.6

Колосова Татьяна Евгеньевна

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ОГРАНИЧЕНИЙ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению института ограничения прав в семейном законодательстве Российской Федерации. Автор рассматривает теоретические подходы к анализу понятия «ограничение права», формулирует определение и выявляет юридическую природу ограничения семейных прав.

Ключевые слова: семейное право, Семейный кодекс Российской Федерации, семейные права, ограничение права, ограничение семейных прав, ограничение родительских прав.

Kolosova Tat'yana E.

REVISITING THE LIMITATION IN THE FAMILY LAW

Abstract. The article is devoted to the review of the institute of the limitation of rights in the family law of the Russian Federation. The author examines theoretical approaches to the analysis of the notion of the limitation of rights, formulates the definition and reveals the nature of the limitation of family rights.

Key words: family law, Family Code of the Russian Federation, family rights, limitation of rights, limitation of family rights, limitation of parental rights.

Семейное право традиционно относится к отраслям частного права, в которых доминирует диспозитивный метод правового регулирования. В то же время из всех частных отраслей именно в семейном праве наиболее востребован такой прием правового регулирования, как ограничение права. Указанное обстоятельство в первую очередь обусловлено направленностью семейного законодательства на обеспечение интересов семьи и несовершеннолетних, защиту материнства и детства, сохранение традиционных семейных ценностей.

Перед тем как перейти к непосредственному анализу понятия и значения ограничений в семейном праве, остановимся на общеправовом понимании данного термина.

Необходимо отметить, что до настоящего времени в отечественной теории права не сложилось единого подхода к пониманию ограничения в праве.

В наиболее широком смысле многие исследователи используют термин «ограничение» для определения самого права, говоря при этом о праве как об ограниченной свободе. Так, еще Е. Н. Трубецкой писал, что там, «где свобода отдельного лица не ограничена никакими правилами, никакими предписаниями, там нет вообще никакого права: существенным признаком права является правило, или норма, ограничивающая свободу»².

Отдавая должное такому подходу, и, признавая его обоснованным, по-

© Колосова Т. Е., 2017

² Трубецкой Е. Н. Труды по философии права. СПб., 2001. С. 291.

сколькo именно ограничения придаюT соответствующую специфику праву, выделяя его из ряда других социальных регуляторов, более значимым в прикладном плане и применимым к отраслевым юридическим наукам нам видится понимание ограничения в праве как одного из наиболее значимых инструментов, используемого для регулирования общественных отношений в целях предотвращения активности человека или группы людей, причиняющей вред правам окружающих, а также противоречащей общественным интересам.

Своеобразный интегрированный вариант понимания правового ограничения предлагает И. Д. Ягофарова, выдвигая тезис о том, что право представляет собой «двойное» ограничение свободы: с одной стороны, оно, выступая регулятором общественных отношений, определяет посредством юридических норм ту или иную меру свободы участников этих отношений, с другой, в праве содержатся и реализуются дополнительные ограничения, которые не могут (не должны) выходить за установленные самим же правом определенные рамки (пределы)¹.

Этот же автор в рамках изложенного подхода к правовым ограничениям выдвигает термин правового ограничения свободы, под которым понимает предусмотренное юридическими нормами уменьшение количества вариантов правового поведения путем установления различного рода пределов такого поведения либо полного его запрета².

¹ Ягофарова И. Д. Право как мера ограничения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 11.

² Там же.

Подобное видение соотношения категорий «ограничение» и «запрет» соответствует концепции, разработанной одним из видных отечественных теоретиков права, исследовавших проблему ограничения в праве, А. В. Малько, который определяет ограничение как родовое понятие по отношению запрету, приходя к выводу о том, что всякий запрет – есть ограничение, но не всякое ограничение в сфере права представляет собой запрет. К формам правового ограничения, наряду с запретом, автор относит приостановления, обязанности и наказания³.

Само же правовое ограничение А. В. Малько определяет как «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающего условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; как установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключения определенных возможностей в деятельности лиц»⁴.

На схожих позициях находится и А. Ф. Квитко, который полагает, что под термином «ограничение права (свободы)» следует понимать «установленные законодательством пределы (границы) реализации (осуществления) человеком (гражданином) прав (свобод), выражающиеся в запретах, вторжениях, обязанностях, ответственности, существование которых детерминировано (предопределено) необходимостью защиты конститу-

³ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. Саратов, 1994. С. 62.

⁴ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве : теоретико-информационный аспект : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 1995. С. 15.

ционно признаваемых ценностей, и назначением которых является обеспечение необходимого баланса между интересами личности, общества и государства»¹.

Встречается в юридической литературе и более узкое понимание правового ограничения, основывающееся на иной концепции соотношения категорий «ограничение» и «запрет». Так, Ф. Н. Фаткуллин указывает, что ограничение близко к запрету, однако оно рассчитано не на полное вытеснение того или иного общественного отношения, а на удержание его в жестко ограничиваемых рамках². По утверждению А. Г. Братко, придерживающегося схожей точки зрения, запреты и ограничения представляют собой два различных способа правового регулирования, основное различие которых состоит в том, что «запреты по своему содержанию указывают на юридическую невозможность определенного поведения, которое фактически возможно, в то время как правовое ограничение представляет собой не только юридически, но и фактически невозможный вариант поведения»³.

Развивая указанную мысль, Д. Г. Разинков и П. А. Данилов отмечают, что «ограничение» в узком смысле имеет место, когда субъективное право есть, оно провозглашено и принадлежит человеку, но в силу определенных обстоятельств не может быть им реализовано. Необходимость существования

подобных ограничений объясняется тем, что в жизни нередко случаи столкновения индивидуальных и публичных интересов⁴.

Именно подобный подход к пониманию правовых ограничений, по нашему мнению, наиболее продуктивен применительно к анализу правовых ограничений в семейном праве.

Проанализируем основные правовые ограничения, установленные нормами семейного законодательства.

Часть 4 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации (далее: СК РФ) содержит фундаментальное положение о запрете любых форм ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. В этой же норме устанавливается основополагающий принцип, согласно которому права граждан в семье могут быть ограничены только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан.

Таким образом, в законе четко очерчен перечень условий, при которых могут быть ограничены семейные права граждан:

1) такое ограничение может иметь место только на основании федерального закона;

2) целью такого ограничения является защита нравственности, здоровья,

¹ Квитко А. Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 18.

² Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987. С. 157.

³ Братко А. Г. Запреты в советском праве. Саратов, 1979. С. 17.

⁴ Разинков Д. Г., Данилов П. А. Понятие, содержание и виды ограничений прав человека // Политика. Власть. Право : межвуз. сб. науч. ст. Вып. XIII / под ред. С. А. Комарова. СПб., 2009. С. 80.

прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан;

3) объем ограничения прав должен быть минимально возможным для достижения указанных целей.

Указанная норма, безусловно, корреспондирует более широкому общеправовому принципу, закрепленному в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которому права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В ряде случаев семейное законодательство при описании конкретных семейных прав прямо использует термин «ограничение». Так, СК РФ ограничивает право мужа без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка (ст. 17), предусматривает возможность ограничения определенными сроками прав, предусмотренных брачным договором (ч. 2 ст. 42), устанавливая при этом перечень прав, которые не могут быть им ограничены (ч. 3 ст. 43).

В других нормах СК РФ термин «ограничение» не используется, однако их существо сводится именно данному правовому явлению. Так, ст. 35 СК РФ ограничивает право одного из супругов на совершение сделки по распоряжению недвижимостью и сделки, требующей нотариального удостоверения и (или) регистрации, выдвигая в качестве обязательного условия их совершения получение нотариально удостоверенного согласия другого су-

пруга. Статья 64 СК РФ ограничивает право родителей представлять интересы своих детей, если органами опеки и попечительства установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия. В ст. 32 СК РФ ограничивается право на выбор фамилии при вступлении в брак в виде запрета на соединение фамилий супругов, если у одного из них двойная фамилия.

Однако все же наиболее ярким примером ограничения семейных прав служит институт ограничения родительских прав. Именно данный вид ограничения наиболее подробно урегулирован в нормах семейного законодательства (ст. 73–76 СК РФ).

Согласно ч. 2 ст. 73 СК РФ ограничение родительских прав допускается, если оставление ребенка с родителями опасно для ребенка по обстоятельствам, не зависящим от одного или обоих родителей, например, в силу психического расстройства или иного хронического заболевания, стечения тяжелых обстоятельств и т. п. Кроме того, ограничение родительских прав допускается также в случаях, когда оставление ребенка с родителями вследствие их поведения является опасным для ребенка, однако при этом не установлены достаточные основания для лишения родителей родительских прав.

Существо данной разновидности ограничения права раскрывается в ст. 74 СК РФ. Согласно ей родители, к которым применена данная мера, утрачивают право на личное воспитание ребенка, а также право на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей,

однако не освобождаются от обязанности по содержанию ребенка.

Ограничение родительских прав не является необратимым, и закон предусматривает условия, при которых данный вид ограничения может быть отменен. Так, согласно ст. 76 СК РФ в случае, если основания, в силу которых родители были ограничены в родительских правах, отпали, суд по иску родителей может вынести решение о возвращении ребенка родителям и об отмене ранее установленных ограничений.

Следует отметить, что принимаемые судами Российской Федерации решения об ограничении родительских прав не всегда находят поддержку в Европейском суде по правам человека (далее: ЕСПЧ).

Так, по делу «Кочеров и Сергеева (Kocherov and Sergeeva) против Российской Федерации» (постановление от 29 марта 2016 г. по жалобе № 16899/13) ЕСПЧ усмотрел в решении, принятом Фрунзенским районным судом г. Санкт-Петербурга, нарушение ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление права на уважение личной и семейной жизни, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

По обстоятельствам дела заявитель, являющийся инвалидом по причине психического расстройства (легкая степень умственной отсталости), и его жена, признанная судом недееспособной, на основании ст. 73 СК РФ были ограничены в родительских правах и утратили возможность проживать со своей дочерью. Изучив доводы сторон, ЕСПЧ пришел к выводу о том, что мотивы, приведенные судами Российской Федерации для ограничения родительских прав заявителя в отношении дочери, чтобы воспрепятствовать ее передаче под опеку, были недостаточны для оправдания этого вмешательства, и, несмотря на пределы усмотрения внутригосударственных органов, вмешательство не было пропорциональным преследуемой законной цели¹.

Несмотря на некоторую неоднозначность, по нашему мнению, указанного решения ЕСПЧ, оно, безусловно, должно послужить сигналом для судов Российской Федерации к установлению весомых и обоснованных доводов при принятии решений об ограничении семейных прав.

Необходимо отметить, что в научной литературе отсутствует единый подход к определению понятия «ограничение семейных прав».

Так, Ю. Ф. Беспалов под ограничением семейных прав понимает систему мер ответственности и систему мер препятствий (сдерживаний) в реализации прав. По мнению этого автора, ограничение семейных прав есть прекращение, приостановление действия

¹ Постановление ЕСПЧ по правам человека от 29 марта 2016 г. по делу «Кочеров и Сергеева (Kocherov and Sergeeva) против Российской Федерации» (жалоба № 16899/13) // Бюл. Ев-роп. суда по правам человека. 2017. № 1(175).

отдельных прав, а также применение запретов, иных приемов правового регулирования семейных правоотношений¹.

Схожее определение ограничения семейных прав предлагает и А. С. Лопаткина, которая рассматривает такие ограничения, как установленные федеральным законом границы (рамки) осуществления семейных прав в виде запретов, обязанностей либо санкций, оправдываемых необходимостью защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц².

Полагаем, что изложенный подход не лишен оснований, однако представляется нам чрезмерно широким, поскольку относит к категории ограничения права также запрет на реализацию права и лишение права, которые, по нашему мнению, имеют несколько иную правовую природу.

С учетом приведенных выше общетеоретических положений, касающихся юридической природы ограничения права и его места в системе правового регулирования, мы предлагаем следующее определение ограничения семейных прав: это предусмотренные законом в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан меры, связанные с уменьшением объема семейных прав конкретного субъекта семейно-правовых отношений, а также установлением обусловленных его семейно-правовым статусом дополнительных усло-

вий (обременений) для реализации им того или иного правомочия.

Данное определение позволяет, по нашему мнению, с одной стороны, наиболее полно раскрыть содержание и правовую природу данного инструмента регулирования семейно-правовых отношений, а с другой – отграничить его от смежных, но не тождественных ему институтов, таких как запрет на осуществление семейного права и лишение права.

Следует также отметить, что, наряду с ограничением прав, СК РФ в ряде случаев предусматривает и возможность ограничения семейных обязанностей. Так, ст. 92 СК РФ устанавливает, что суд может освободить супруга от обязанности содержать другого нетрудоспособного нуждающегося в помощи супруга или ограничить эту обязанность определенным сроком как в период брака, так и после его расторжения в случаях, если нетрудоспособность нуждающегося в помощи супруга наступила в результате злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами или в результате совершения им умышленного преступления; непродолжительности пребывания супругов в браке, а также в случае недостойного поведения в семье супруга, требующего выплаты алиментов.

Кроме того, наряду с ограничением прав и обязанностей, семейное законодательство использует термин «ограничение» и применительно к определению объема правовых норм, регулирующих семейные отношения. Так, ст. 167 СК РФ ограничивает применение норм иностранного семейного права случаями, в которых оно не противоречит осно-

¹ Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав // Журн. рос. права. 2014. № 2. С. 49.

² Лопаткина А. С. Ограничение семейных прав по законодательству Российской Федерации: понятие, виды, специфика // Семейн. и жилищ. право. 2006. № 1. С. 30.

вам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации.

Таким образом, категория «ограничение» имеет широкое распространение и применение в отечественном семейном праве. При этом далеко не

все аспекты этого правового явления урегулированы в законодательстве и исследованы в семейно-правовой теории, в связи с чем нуждаются в дальнейшем изучении и нормотворческом совершенствовании.

Библиографический список

1. Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав / Ю. Ф. Беспалов // Журн. рос. права. – 2014. – № 2. – С. 45–52.
2. Братко А. Г. Запреты в советском праве / А. Г. Братко. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1979. – 92 с.
3. Квитко А. Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Квитко Александр Федорович. – М., 2007. – 24 с.
4. Лопаткина А. С. Ограничение семейных прав по законодательству Российской Федерации: понятие, виды, специфика / А. С. Лопаткина // Семейн. и жилищ. право. – 2006. – № 1. – С. 26–30.
5. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Малько Александр Васильевич. – Саратов, 1995. – 362 с.
6. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект / А. В. Малько. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1994. – 184 с.
7. Разинков Д. Г. Понятие, содержание и виды ограничений прав человека / Д. Г. Разинков, П. А. Данилов // Политика. Власть. Право : межвуз. сб. науч. статей. Вып. XIII / под ред. С. А. Комарова. – СПб. : Изд-во Юрид. ин-та (Санкт-Петербург), 2009. – С. 78–82.
8. Трубецкой Е. Н. Труды по философии права / Е. Н. Трубецкой. – СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. – 543 с.
9. Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / Ф. Н. Фаткуллин. – Казань : КЮИ МВД России, 1987. – 336 с.
10. Ягофарова И. Д. Право как мера ограничения свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ягофарова Инара Дамировна. – Екатеринбург, 2004. – 206 с.

References

1. *Bespalov Yu. F.* Family-legal Responsibility and Limitation of Family Rights. Zhurnal Rossijskogo Prava. 2014. No. 2. P. 45–52.
2. *Bratko A. G.* Prohibitions in Soviet Law. Saratov, Izdatelstvo Saratovskogo Universiteta, 1979. 92 p.
3. *Kvitko A. F.* Dissertation Proposal: Konstitutsionno-legal Bases of Restriction of the Rights and Freedom of the Person and the Citizen in the Russian Federation. M., 2007. – 24 p.
4. *Lopatkina A. S.* Restriction of Family Rights under the Legislation of the Russian Federation: Concept, Species, Specificity. Semejnoe i Zhilishhnoe Pravo. 2006. No. 1. P. 26–30.
5. *Mal'ko A. V.* Incentives and Limitations in Law: Theory and Information Aspect. Saratov, 1995. 362 p.
6. *Mal'ko A. V.* Incentives and Restrictions in the Law. Theoretical and Information Aspect. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo Universiteta. 1994. 184 p.
7. *Razinkov D. G., Danilov P. A.* The Concept, Content and Types of Restrictions on Human Rights. Politika. Vlast'. Pravo. SPb., Izdatel'stvo Yuridicheskogo Instituta (Sankt-Peterburg), 2009. P. 78–82.
8. *Trubeckoj E. N.* Works on the Philosophy of Law. SPb., Izdatel'stvo RhGI, 2001. 543 p.
9. *Fatkullin F. N.* Problems of the Theory of State and Law. Kazan', KYul MVD Rossii, 1987. 336 p.
10. *Yagofarova I. D.* Law as a Measure of Restraint of Liberty. Ekaterinburg, 2004. 206 p.

Кулакова Анна Александровна

ОГРАНИЧЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Аннотация. В статье на основе анализа семейного законодательства, а также классификаций ограничения семейных прав, автор формулирует собственное определение ограничения семейных прав.

Ключевые слова: семейные права, ограничение семейных прав, особенности и классификация ограничений семейных прав.

Kulakova Anna A.

THE RESTRICTION OF FAMILY RIGHTS: PROBLEM DEFINITION

Abstract. In the article, on the basis of the analysis of family legislation, as well as classifications of limitation of family rights, the author formulates his own definition of limitation of family rights.

Key words: family law, limitation of family rights, characteristics and classification of restriction of family rights.

Любой гражданин Российской Федерации наделен согласно Конституции РФ системой прав и свобод (ст. 2 Конституции РФ). Это положение одинаково справедливо для всех сфер жизни человека, включая и семейные отношения.

Права, возникновение которых обусловлено семейными отношениями, называют семейными правами. При этом семейные права одного члена семьи находятся в зависимости от прав и юридического положения других родственников, т.е. ограничиваются ими. Такие ограничения объективно исходят от социальной природы человека, поскольку свобода личности проявляется во взаимоотношениях с другими людьми, с членами семьи в первую очередь. В противном случае беспредельное пользование правами будет нарушать права других членов семьи. Свобода каждого человека, по мнению И. А. Ильина, существует до тех пор, с которых начинаются права

других людей. Стремясь установить эти границы, право содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился порядок, основанный на свободе².

При этом понятие члена семьи не определено в семейном законодательстве, равно как и понятие семьи, и в некоторых деталях отличается от того, как оно воспринимается в других гражданско-правовых отношениях, например, в наследственном или жилищном праве. Данный факт свидетельствует о невозможности установления единого закрытого перечня членов семьи, поскольку он получился бы достаточно пространственным и, естественно, усилил бы ограничения прав отдельных членов семьи.

Несмотря на ряд ограничений, у граждан существует значительная самостоятельность в распоряжении своими семейными правами. Другими словами,

² Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. 1992. № 3. С. 96.

человек в рамках, установленных законом, волен проявлять свою независимость, действовать сообразно своим желаниям и волеизъявлениям.

Законодательство урегулировало ряд наиболее важных семейных прав, к которым относятся условия и порядок вступления в брак, прекращения брака и признания его недействительным, личные неимущественные и имущественные права членов семьи и формы и порядок устройства в семью детей, оставшихся без попечения родителей (ст. 2 СК РФ).

Другие семейные права, предполагающие эмоциональные свойства и отношения личности в семье, скорее зависят от нравственных приоритетов и ценностей и не регулируются законом.

Ограничения семейных прав имеют специфические черты, схожие с особенностями семейных правоотношений вообще и отличающие их от других видов ограничений. К таким особенностям можно отнести в первую очередь лично-доверительный характер семейных отношений, обеспечивающий прочность и сплоченность семьи. Доверительный характер является главенствующим для всех видов отношений в семье, включая имущественные, объясняет содержание тех или иных норм, в которых присутствуют ограничения семейных прав.

Еще одной особенностью ограничений семейных прав является индивидуализация их участников. Все семейные права, а значит, и их ограничения адресованы конкретным физическим лицам, непосредственным участникам семейных отношений. Исключены как отчуждение, так и переуступка ограничений субъектами, т.е. ни правопреемство, ни соглашение сто-

рон в отношении семейных прав и их ограничений не допускаются¹.

В юридической практике существует значительное число видов ограничений семейных прав. Одной из наиболее часто применяемых классификаций этого вида ограничений является классификация по субъекту права². По этому критерию ограничения делятся:

- на ограничения прав супругов;
- ограничения прав детей;
- ограничения прав родителей;
- ограничение прав других лиц.

К ограничению прав супругов относится широкий круг запретов, например, запрет на включение супругами в брачный договор условий, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение (ст. 42 СК РФ); запрет на заключение брака между близкими родственниками (ст. 14 СК РФ); лишение права на алименты нетрудоспособному нуждающемуся супругу, если нетрудоспособность стала результатом злоупотребления им спиртными напитками, наркотическими средствами или в результате совершения умышленного преступления. Последнее ограничение возможно и по другим основаниям, а именно, непродолжительность брака, недостойное поведение в семье супруга, нуждающегося в помощи (ст. 92 СК РФ).

Ограничения прав детей встречаются реже, тем не менее многие права могут быть ограничены в связи с тем,

¹ Палькина Т. Н. Личные неимущественные права и нематериальные блага в гражданском и семейном праве Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 22 с.

² Лопаткина А. С. Ограничение семейных прав по законодательству Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 22 с.

что этого требуют интересы ребенка (ст. 54 СК РФ).

Родители ограничиваются в своих правах в связи с уклонением от выполнения своих обязанностей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов (ст. 69 СК РФ); если существует опасность для ребенка, вызванная не зависящими от родителей обстоятельствами, в том числе психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и др. (ст. 73 СК РФ); если существует непосредственная угроза жизни или здоровью ребенка (ст. 73 СК РФ).

К ограничению семейных прав других лиц относятся ограничения прав других членов семьи, усыновителей, опекунов (попечителей), приемных родителей и т.д.

Другая классификация предполагает ограничение семейных прав по такому основанию, как элемент правовой нормы. В этом случае выделяют:

- факты-ограничения, прописанные в гипотезе и указывающие на условия действия ограничения. Например, факт наличия у одного из вступающих в брак лица другого зарегистрированного брака препятствует заключению брака (ст. 14 СК РФ);

- запреты и обязанности, встречающиеся в диспозиции статей СК РФ и раскрывающие форму поведения субъекта права, которое влечет за собой определенные последствия, ограничивающие его права. Запрет предполагает воздержание от совершения определенных действий для предотвращения их негативных последствий и является одновременно обязанностью воздержаться от совершения запрещенных действий;

- меры семейно-правовой ответственности, присутствующие в санкции правовой нормы, к которым лишение родительских прав (ст. 69 СК РФ), лишение права на получение содержания от своих совершеннолетних детей (ст. 87 СК РФ) и т.д.

Еще одним критерием для классификации ограничений семейных прав выступают цели этих ограничений:

- защита нравственности;
- защита здоровья, в том числе и духовного;
- защита прав и законных интересов членов семьи и иных граждан.

Оправдано разграничение ограничений семейных прав и по другим критериям: объем (основные правовые ограничения, частичные правовые ограничения, дополнительные правовые стимулы), время действия (постоянные, временные), содержание (материально-правовые и морально-правовые ограничения). Все они требуют дополнительного изучения¹.

Таким образом, под ограничением семейных прав следует понимать установленные законом границы осуществления семейных прав в виде запретов, обязанностей либо санкций, оправдываемых необходимостью защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц.

¹ Ищук И. Н. Ограничения в праве (Общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 75.

Библиографический список

1. Беспалов Ю. Ф. Судебная защита прав ребенка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Беспалов Юрий Федорович. – М., 1997. – 20 с.
2. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) / И. А. Ильин // Правоведение. – 1992. – № 3. – С. 93–99.
3. Ищук И. Н. Ограничения в праве (общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ищук Илья Николаевич. – СПб., 2006. – 169 с.
4. Лопаткина А. С. Ограничение семейных прав по законодательству Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Лопаткина Александра Сергеевна. – М., 2012. – 22 с.
5. Палькина Т. Н. Личные неимущественные права и нематериальные блага в гражданском и семейном праве Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Палькина Татьяна Николаевна. – М., 2009. – 22 с.

References

1. *Bespalov Yu. F.* Judicial protection of the rights of the child. M., 1997. 20 p.
2. *Il'in I. A.* General Doctrine of Law and State (Fragments). *Pravovedenie*. 1992. No. 3. P. 93–99.
3. *Ishhuk I. N.* Limitations in Law (General Theoretical Aspect). SPb., 2006. 169 p.
4. *Lopatkina A. S.* Restriction of Family Rights under the Legislation of the Russian Federation: Problems of Theory and Practice. M., 2012. 22 p.
5. *Pal'kina T. N.* Personal Non-property Rights and Intangible Benefits in the Civil and Family Law of the Russian Federation: Problems of Theory and Practice. M., 2009. 22 p.

Малышкин Александр Викторович

ЮРИДИЧЕСКИЕ САНКЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ

Аннотация. Автор анализирует специфику установления юридических санкций за нарушение этических норм. В смежных сферах регулирования, когда необходимо установить особые нравственные требования к субъектам правоотношений либо к осуществляемой деятельности, в нормах права могут содержаться отсылки к этическим нормам. Этические нормы могут стать элементом нормы права, оставаясь нормами этики. При подготовке работников, к которым предъявляются особые этические требования, а также при назначении таких работников на должность необходима разработка механизмов развития и проверки их нравственных качеств.

Ключевые слова: интегрированная юрисдикция, социальное регулирование, правовое регулирование, нормы морали, юридическая ответственность.

Maly'shkin Aleksander V.

LEGAL SANCTIONS FOR VIOLATION OF ETHICAL NORMS: THE PROBLEMS OF INTEGRATION OF LAW AND MORALITY

Abstract. The author analyzes the specifics of legal sanctions for violation of ethical standards. In related areas of regulation when it is necessary to establish a special moral requirements to the subjects of the legal relationship or to ongoing activities in the law may contain references to ethical standards. Ethical norms can be an element of the rule of law, while remaining ethical norms. In the training of employees, which are subject to special ethical requirements, and to assign such employees to a position it is necessary to develop mechanisms for the development and verification of their moral qualities.

Key words: integrated jurisdiction, social regulation, law regulation, standards of morality, legal responsibility.

Нормы¹ права могут называться справедливыми только тогда, когда они соответствуют общепринятым представлениям о добре и зле, о морали и нравственности, о должном и недопустимом, о честном и недостойном.

Право и мораль имеют фундаментальную общность – нормативно-регулятивную природу, являясь регуляторами общественных отношений. Поскольку возникновение права связывается с возникновением государства, право понимается как более позднее социальное образование, чем мораль. С одной стороны, право реа-

лизует иные общественные потребности, регулируя те сферы, которые не затрагиваются нормами морали, с другой – право является своего рода продолжением морали в части общих предметов воздействия².

Уже первые исторические памятники права содержали не только нормы, регламентирующие административные, уголовно-правовые, наследственные, имущественные и иные правоотношения, но и правила этического свойства.

² Карцев В. А. Методологический смысл идеи взаимосвязи права и морали // Гос. власть и мест. самоупр. 2013. № 8. С. 3–7.

Так, Законы Ману (приблизительно II век до н.э.) предписывали: «...надо говорить правду, говорить приятное, не следует говорить неприятную правду, не следует говорить приятную ложь – такова вечная дхарма» (ст. 138 гл. IV); «... все вещи определяются словом, имеют основанием слово, произошли от слова: кто же нечестен в речи, тот нечестен во всем» (ст. 256 гл. IV)¹.

В п. 134 Законов Хаммурапи (приблизительно 1750-е гг. до н.э.) говорится: «Если человек будет уведен в плен, а в его доме нет средств для пропитания, то его жена может войти в дом другого; эта женщина не виновна»². Если же жена в отсутствие мужа могла прокормить себя, но вошла в дом другого, то этот случай приравнивался к измене и, соответственно, карался смертью (п. 133).

Соборное уложение 1649 г.³ запрещало под угрозой битья кнутом: «... не помня закона христианского... отцу или матери грубые речи говорить» (п. 4 гл. XXII), сводничество (п. 25 гл. XXII). Смертная казнь, например, устанавливалась «за блуд жены» (п. 25 гл. XXII).

Анализ истории развития права показывает, что со временем количество норм в правовых актах, регламентирующих нравственные отношения, существенно возрастает, что, по нашему мнению, является свидетельством общественного прогресса, постепенной гуманизации общества.

¹ Законы Ману. М., 1998.

² Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века / сост. В. А. Томсинов. М., 2005.

³ Черниловский З. М. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / сост.: Е. В. Поликарпова, В. А. Савельев ; под ред. З. М. Черниловского. М., 1984.

Вместе с тем, как справедливо отмечает профессор Г. В. Мальцев, существуют области социальной жизни, где правовое влияние, если оно и вправду нужно, должно быть крайне осторожным, чтобы не повредить тончайшие саморегулятивные механизмы, действующие в ситуациях, когда в поведении людей преобладают поисково-творческие элементы, порыв, инициатива и импровизация, вдохновение и озарение, большое значение имеют случайности, иногда равноценные чуду⁴.

Взаимосвязь права и морали проявляется, в частности, при установлении юридических санкций за нарушение этических норм в процессе осуществления профессиональной деятельности.

Среди всех профессий выделяются такие, которые требуют повышенного внимания к нравственной стороне выполняемых функций, в связи с чем к определенным субъектам предъявляют нравственные требования («профессиональная этика», «корпоративная этика»). В частности, одним из результатов российской судебной реформы стало принятие Кодекса судейской этики, который был утвержден VI Всероссийским съездом судей 2 декабря 2004 г.⁵ На VIII Всероссийском съезде судей 19 декабря 2012 г. принят новый Кодекс судейской этики⁶, со дня утверждения которого утратил силу ранее действовавший.

Разработка нового Кодекса судейской этики была обусловлена изменениями в законодательстве о судебной системе, о статусе судей, о борьбе с коррупцией. Кроме того, принимались решения Вер-

⁴ Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2011. С. 33.

⁵ Вестн. Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации. 2005. № 2.

⁶ Бюл. актов по судеб. системе. 2013. № 2.

ховного Суда Российской Федерации, Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека, касающиеся профессиональных этических норм. Новый Кодекс судейской этики учитывает и практику работы квалификационных коллегий, которые привлекают судей к дисциплинарной ответственности и дают свое толкование этическим нормам.

В частности, ст. 6 Кодекса судейской этики предусмотрено, что судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи (п. 1). Судья должен добросовестно пользоваться своими гражданскими правами и исполнять гражданские обязанности. Он не должен использовать свое служебное положение для получения личных преимуществ в гражданско-правовых отношениях (п. 2). Судья не должен совершать каких-либо действий либо давать повод другим лицам совершать такие действия, которые позволяли бы сделать вывод об оказании влияния на осуществление судьей его полномочий и усомниться в независимости и беспристрастности судьи (п. 5).

Высоконравственная деятельность судьи и его положительные моральные качества рассматриваются как необходимые условия и предпосылки доверия общества к судебной власти, веры в ее справедливость¹.

Обязательность предписаний, содержащихся в Кодексе судейской этики, для каждого судьи обеспечивается тем, что

¹ Кобликов А. С. Юридическая этика. М., 2011. С. 159.

согласно ст. 12.1 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»² за нарушение положений Кодекса судейской этики, повлекшее умаление судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, на судью, за исключением судей Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде: замечания; предупреждения; досрочного прекращения полномочий судьи.

При наложении дисциплинарного взыскания учитываются характер дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форма вины, личность судьи, совершившего дисциплинарный проступок, и степень нарушения действиями (бездействием) судьи прав и свобод граждан, прав и законных интересов организаций.

Дисциплинарное взыскание в виде замечания налагается при малозначительности совершенного судьей дисциплинарного проступка, если квалификационная коллегия судей придет к выводу о возможности ограничиться устным порицанием действий (бездействием) судьи.

Дисциплинарное взыскание в виде предупреждения налагается за совершенные судьей дисциплинарного проступка, если квалификационная коллегия судей придет к выводу о невозможности применения к судье дисциплинарного взыскания в виде замечания или если судья ранее подвергался дисциплинарному взысканию.

Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий

² Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1992. № 30, ст. 1792.

судьи может налагаться на судью в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение положений Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и (или) Кодекса судейской этики, в том числе за нарушение указанных положений при осуществлении правосудия, если такое нарушение повлекло искажение принципов судопроизводства, грубое нарушение прав участников процесса, свидетельствует о невозможности продолжения осуществления судьей своих полномочий и установлено вступившим в законную силу судебным актом вышестоящей судебной инстанции или судебным актом, принятым по заявлению об ускорении рассмотрения дела либо о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

В 2016 г. в субъектах Российской Федерации на основании подп. 13 п. 1 ст. 14 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» (совершение судьей дисциплинарного проступка, за который решением квалификационной коллегии судей на судью наложено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи) прекращены полномочия 25 судей, предупреждение наложено на 99 судей, к дисциплинарной ответственности в виде замечания привлечены 99 судей¹.

Приведем пример. Инспектором ГИБДД вынесено постановление по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3 ст. 12.9 КоАП РФ, в отношении Г. – собственника транс-

портного средства, водитель которого, двигаясь со скоростью 107 км/ч, превысил установленную скорость движения транспортного средства на 47 км/ч. Г. направил начальнику Управления ГИБДД заявление об отмене указанного постановления, ссылаясь на его неприкосновенность как судьи и особый порядок привлечения судьи к административной ответственности, установленный статьей 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации». В последующем Г. направил начальнику Управления ГИБДД заявление, в котором указал, что автомобилем постоянно пользуется и управляет им по доверенности его супруга.

Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации пришла к следующему выводу: Г., зная, что в момент фиксации нарушения автомобилем управляла его супруга, указал в своем заявлении на имя начальника Управления ГИБДД, что он является судьей, в связи с чем к нему должен применяться особый порядок привлечения к административной ответственности, установленный ст. 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», и по этому основанию просил отменить постановления о привлечении его к административной ответственности. При своевременном подтверждении Г. того, что в указанных случаях правонарушения допущены его женой, она подлежала привлечению к административной ответственности в установленном порядке. Однако такое использование Г. особого статуса судьи о его неприкосновенности не позволило правомочному органу принять в отношении правонарушителя соответствующее решение в предусмотренный законом срок.

¹ Итоги работы в 2016 году // Вестн. Высш. квалификационной коллегии судей Рос. Федерации. 2017. № 2(52). С. 3–5.

Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации, исходя из того, что судья, в частности, обязан неукоснительно соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы и федеральные законы при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи, посчитала, что Г. допущено нарушение норм судейской этики и имеются основания для привлечения его к дисциплинарной ответственности¹.

Квалификационные коллегии судей не всегда правильно привлекают судей к дисциплинарной ответственности. Например, решением Квалификационной коллегии судей Курганской области удовлетворено представление исполняющего обязанности председателя областного суда: судья районного суда Р. за совершение дисциплинарного проступка привлечена к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи с лишением квалификационного класса².

Квалификационной коллегией судей дисциплинарным проступком, послужившим основанием для наложения на Р. дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи, признаны, в частности, следующие нарушения:

– вручение копии приговора осужденному Щ. с нарушением установленного ст. 312 УПК РФ срока, а также

передача этого уголовного дела в отдел судебного делопроизводства с нарушением установленных сроков;

– изготовление определения об оставлении искового заявления М. без движения с нарушением срока, установленного ст. 134 ГПК РФ;

– необоснованный отказ в удовлетворении ходатайств В. и К. о снижении размера государственной пошлины при подаче исковых заявлений и необоснованное возвращение в связи с этим исковых заявлений;

– предоставление недостаточного срока для устранения недостатков при подаче исковых заявлений В. и Е.

Отменяя решение Квалификационной коллегии судей, Дисциплинарная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отметила, что вывод Квалификационной коллегии судей о том, что Р. допущено грубое, систематическое и сознательное несоблюдение процессуальных и материальных норм права и положений Кодекса судейской этики, сделан без учета обстоятельств и характера совершенных нарушений, их последствий, степени нарушения прав и свобод граждан и является необоснованным. В частности, не учтено, что нарушение срока вручения копии приговора является незначительным (восемь суток); несвоевременная передача дела в отдел делопроизводства не повлекла нарушения прав осужденного и других лиц; нарушение срока изготовления определения об оставлении искового заявления М. без движения не повлекло нарушение его прав: М. устранил нарушения и исковое заявление было принято к производству суда; определение об отказе в удовлетворении ходатайств В. и К. о снижении размера государственной пошлины не противоречит нормам

¹ URL: http://www.vkks.ru/ss_detale.php?id=13497 (дата обращения: 20.11.2017).

² Решение Верховного Суда Российской Федерации от 9 нояб. 2015 г. № ДК15-62 // Вестн. Высш. квалификац. коллегии судей. 2016. № 4(50). С. 9-10.

права и вынесено в пределах судейского усмотрения.

Следовательно, при отправлении правосудия Р. допускались случаи неправильного применения и нарушения норм материального и процессуального права, но они были единичными, не носили системного характера, не нарушали положения Кодекса судейской этики.

Важность нравственных качеств судьи как условия справедливого и беспристрастного правосудия является бесспорной. Вместе с тем затруднительно априорно определить такие личностные свойства, как честность, принципиальность, неподкупность и т.п. Более того, содержательное раскрытие этих свойств исторически изменчиво, а также зависит от мировоззренческих установок как их носителя, так и «оценщика». В связи с этим в процессе отбора кандидатов в судьи могут быть выявлены только те качества, которые так или иначе проявились в его предшествующей деятельности и объективно зафиксированы. Нравственные качества, которые принято считать первостепенными для судьи: независимость от каких-либо воздействий, беспристрастность, справедливость, – могут лишь презюмироваться. Такая ситуация является вполне закономерной: во всех тех случаях, когда какие-либо обстоятельства установить принципиально или практически невозможно, возникают различного рода презумпции как официально зафиксированные, так и существующие на уровне здравого смысла.

В этой связи особые требования предъявляются и к юридическому образованию. Как верно отметил М. Ш. Гунибский, задача высшего образования заключается не только в том, чтобы

студенты приобрели глубокие знания в юриспруденции, но и в том, чтобы они стали «настоящими юристами», людьми с высоким уровнем общей и профессиональной культуры, подлинными гуманистами, осознанно принимающими решения, основанные на нравственных началах, и несущими ответственность за свои поступки¹.

Полагаем возможным сделать следующие выводы:

1. Право и мораль имеют схожую нормативно-регулятивную природу.

2. В рамках сферы совместного регулирования одно и то же правило поведения может быть и нормой морали, и нормой права, например, правило о необходимости добросовестного поведения. В этом случае они отличаются субъектами принятия, источниками закрепления, механизмом обеспечения исполнения, видами санкций за нарушение.

3. В смежных сферах регулирования, когда необходимо установить особые нравственные требования к субъектам правоотношений либо к осуществляемой деятельности, в нормах права могут содержаться отсылки к нормам этики (нормы этики могут стать элементом нормы права, оставаясь нормами этики), а также устанавливаться юридические санкции за их нарушение. В данном случае нормы этики не становятся нормами права. В норме права отсутствует закрепление признаков нравственных категорий, поскольку их восприятие обеспечивается общим нравственным уровнем субъектов предписаний.

¹ Гунибский М. Ш. Профессионализм и нравственность личности юриста: философско-социологический анализ // История государства и права. 2014. № 4. С. 53–58.

4. Существуют сферы исключительного регулирования права и этики, в которых они не могут вторгаться в компетенцию друг друга.

5. При подготовке работников, к которым предъявляются особые

нравственные требования, а также при назначении таких работников на должность необходима разработка механизмов соответственно развития и проверки их нравственных качеств.

Библиографический список

1. Гунибский М. Ш. Профессионализм и нравственность личности юриста: философско-социологический анализ / М. Ш. Гунибский // История государства и права. – 2014. – № 4. – С. 53–58.
2. Карцев В. А. Методологический смысл идеи взаимосвязи права и морали / В. А. Карцев // Гос. власть и мест. самоупр. – 2013. – № 8. – С. 3–7.
3. Кобликов А. С. Юридическая этика / А. С. Кобликов. – М.: Норма, 2011. – 176 с.
4. Малышкин А. В. Интегрированные судебные акты: общетеоретический анализ: монография / А. В. Малышкин. – Владимир: ВИТ-принт, 2012. – 212 с.
5. Фатхутдинова А. М. Исторические и современные аспекты формирования морали и права / А. М. Фатхутдинова // Совр. юрист. – 2016. – № 2. – С. 21–33.

References

1. Gunibskij M. Sh. Professionalism and Moral of the Personality of Lawyer: philosophical-sociology Analysis. *Istoriya Gosudarstva I Prava*. 2014. No 4. P. 53–58.
2. Karcev V. A. Methodological Meaning of the Idea of the Relationship of Law and Morality. *Gosudarstvennaya Vlast' I Mestnoe Upravlenie*. 2013. No 8. P. 3–7.
3. Koblikov A. S. Legal ethics. M., Norma, 2011. 176 p.
4. Maly'shkin A. V. Integrated Judicial Acts: Theoretical Analysis. Vladimir, VIT-print, 2012. 212 p.
5. Fatkhutdinova A. M. Historical and Contemporary Aspects of Morality and Law. *Sovremenny'j Yurist*. 2016. No 2. P. 21–33.

Якушев Павел Алексеевич

СПОРЫ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОРЯДКА ОБЩЕНИЯ С РЕБЕНКОМ: НЕКОТОРЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ

Аннотация. В статье анализируются отдельные ценностные и правовые аспекты рассмотрения дел по искам об определении порядка общения с ребенком. Автор анализируется предмет доказывания по делам указанной категории, обобщаются способы определения порядка общения с ребенком на будущее время, обосновываются предложения по применению норм семейного законодательства в интересах ребенка.

Ключевые слова: традиционные ценности, правовое регулирование, социальное регулирование, права ребенка, порядок общения с ребенком, права и обязанности родителей.

Yakushev Pavel A.

DISPUTES CONCERNING THE DETERMINATION OF ORDER OF COMMUNICATION WITH A CHILD: SOME AXIOLOGICAL AND LEGAL ASPECTS OF CASE

Abstract. The article analyzes axiological and legal aspects of consideration cases on claims concerning the determination of order of communication with the child. The author analyzes the subject of proof by cases this category, summarizes the methods of determining the order of communication with the child for the future, substantiates proposals on the application of norms of family law in the interests of the child.

Key words: traditional values, legal regulation, social regulation, rights of the child, the order of communication with the child, the rights and duties of parents.

Проживание ребенка с одним из родителей не лишает другого родителя права и обязанности участвовать в его воспитании. Проживающий отдельно от ребенка родитель вправе общаться с ним и обязан принимать участие в его воспитании, а родитель, с которым ребенок проживает, не должен препятствовать в этом другому родителю.

Для гармоничного развития ребенка, его правильной социализации необходимо воспитание на основе жизненного опыта, нравственных ценностей, знаний, навыков как матери, так и отца. В случае развода родителей шансы ребенка сохранить цельность и гармоничность личности резко сни-

жаются². Семья как традиционная ценность перестает быть средой жизни ребенка и нравственным ориентиром для него.

Само наличие в суде спора о порядке общения с ребенком свидетельствует о нежелании родителей поступить личными амбициями и действовать в интересах ребенка. По справедливому утверждению Л. А. Емелиной и М. В. Лебедь, за родительскими войнами исчезает главное – любовь к ребенку и забота о нем; очерняя друг друга в глазах ребенка, родители очер-

² Толмачева Е. Н. Практика разрешения семейно-правовых споров: доказательства и доказывание по семейным спорам о воспитании детей // Современное право. 2017. № 4. С. 83.

ствляют или даже убивают детскую душу¹.

Главной задачей судьи, рассматривающего дело об определении порядка общения с ребенком, является установление такого порядка встреч с отдельно проживающим родителем, который максимально отвечает интересам ребенка, не навредит ему, по возможности сглаживает негативные последствия расставания родителей, существенно не меняет сложившийся образ жизни ребенка.

В п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»² разъяснено, что при определении порядка общения родителя с ребенком принимаются во внимание возраст ребенка, состояние его здоровья, привязанность к каждому из родителей и другие обстоятельства, способные оказать воздействие на физическое и психическое здоровье ребенка, на его нравственное развитие.

В абз. 4 раздела «Рассмотрение судами дел об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка» Обзора практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 июля 2011 г.³ (далее: Обзор ВС РФ от 20 июля 2011 г.), разъяснено, что, помимо перечислен-

ных обстоятельств, также учитываются следующие:

- наличие либо отсутствие условий для воспитания и развития ребенка согласно акту обследования жилищно-бытовых условий (наличие спального и игрового мест и т.д.);

- режим дня малолетнего ребенка;
- удаленность места жительства истца от места жительства ребенка;

- длительность отрезка времени, в течение которого ребенок не общался с родителем, и другие обстоятельства. Так, в частности, Ю. Ф. Беспалов отмечает, что суду необходимо исследовать причины, послужившие распаду семейных отношений, а также анализировать, не является ли обращение в суд с иском формой злоупотребления правом⁴.

Что касается периода, на который устанавливается порядок общения с ребенком, то полагаем необходимым рассмотреть основные варианты определения порядка общения, а также предложить ряд рекомендаций.

1. Порядок общения родителя с ребенком определяется на будущее время – до совершеннолетия ребенка, если в исковом заявлении не указано иное.

Если в исковом заявлении не содержится просьба определить порядок общения с ребенком на определенный период (например, до достижения школьного возраста), порядок общения устанавливается до совершеннолетия ребенка. При этом порядок общения с ребенком в случае необходимости может быть изменен судом по требованию любого родителя, а по достижении ребенком возраста че-

¹ Емелина Л. А., Лебедь М. В. Право ребенка на общение с отдельно проживающим после расторжения брака родителем // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 6–10.

² Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 1998. № 7.

³ Там же. 2012. № 7.

⁴ Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ // Сем. и жилищ. право. 2016. № 5. С. 13.

тырнадцати лет – по требованию и самого ребенка (п. 2 ст. 56 СК РФ) (абз. 17 раздела «Рассмотрение судами дел об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка» Обзора ВС РФ от 20 июля 2011 г.).

Так, решением Муромского городского суда Владимирской области от 2 апреля 2014 г. определен порядок общения отца Ч. Д. с несовершеннолетними Ч. А. и Ч. Г., 2006 года рождения, без указания какого-либо срока: первое и третье воскресенье каждого месяца с 10 до 18 часов по месту жительства детей; 22 ноября каждого года в день рождения детей по месту их жительства с 14 часов¹.

В то же время, например, решением Ленинского районного суда г. Владимира от 10 августа 2015 г. определен порядок общения отца С. с сыном только на период до достижения ребенком семи лет, поскольку в исковом заявлении истец просил определить порядок общения с ребенком только до достижения им семилетнего возраста².

Решением Суздальского районного суда Владимирской области от 9 декабря 2014 г. установлен порядок общения отца с сыном, 2008 года рождения, на срок до 1 сент. 2019 г., поскольку такой период был заявлен в исковом заявлении³.

2. Учитывая возраст ребенка, его длительное разлучение с одним из родителей, суд вправе назначить различный порядок общения на первые

месяцы после вступления решения в законную силу и на последующее время (даже если истец просит установить единый порядок общения на все будущее время).

Указанное разъяснение приводится в абз. 9 и 10 раздела «Рассмотрение судами дел об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка» Обзора ВС РФ от 20 июля 2011 г. В юридической литературе также поддерживается идея определения различного порядка общения на первоначальный период – «период привыкания» ребенка к родителю, с которым он длительное время не общался по тем или иным причинам, и на последующее время, когда система общения наладится⁴.

Так, решением Фрунзенского районного суда г. Владимира от 5 сентября 2014 г. по делу по иску Г. к В. об определении порядка общения с ребенком установлен порядок общения с ребенком на первые три месяца после вступления решения суда в законную силу, а затем по «прошествии указанного срока», установлен иной порядок общения⁵.

При этом недопустимо определять порядок общения только на первые месяцы после вступления решения в силу с разъяснением истцу, что после окончания «адаптационного периода» он вправе вновь обратиться с иском в суд для определения порядка общения с ребенком (абз. 11–13 раздела «Рассмотрение судами дел об осуществлении родительских прав родителем,

¹ Арх. Муромского гор. суда Владим. обл. Дело № 2/1156/2014.

² Арх. Ленинского район. суда г. Владимира. Дело № 2–2364/2015.

³ Арх. Суздальского район. суда Владим. обл. Дело № 2–1036/2014.

⁴ Нечаева А. М. Общение как разновидность права родителя на семейное воспитание ребенка // Рос. юстиция. 2017. № 1. С. 10–12.

⁵ Арх. Фрунзенского район. суда г. Владимира. Дело № 2–1449/2014.

проживающим отдельно от ребенка» Обзора ВС РФ от 20 июля 2011 г.), в такой ситуации семейно-правовой конфликт оказывается окончательно не разрешенным.

3. Если в исковом заявлении истец просит определить порядок общения с ребенком с установлением различной частоты, продолжительности и (или) места встреч в зависимости от возраста ребенка, то суд вправе установить различный порядок общения для разных возрастных периодов ребенка.

Такая возможность вытекает из содержания абз. 14–17 раздела «Рассмотрение судами дел об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка» Обзора ВС РФ от 20 июля 2011 г.

Так, решением Киржачского районного суда Владимирской области от 13 ноября 2013 г. по делу по иску С. Ю. к С. Е. об определении порядка общения с дочерью установлен следующий порядок общения отца с дочерью:

- до достижения ребенком возраста одного года – каждое воскресенье с 13 до 14 часов по месту фактического проживания ребенка с возможностью совершать прогулки в местах, предназначенных для детского досуга, в районе места жительства ребенка, в присутствии матери;

- по достижении ребенком возраста одного года и до достижения ею возраста трех лет – каждое воскресенье с 13 до 14 часов по месту фактического проживания ребенка с возможностью совершать прогулки в местах, предназначенных для детского досуга, в районе места жительства ребенка, без присутствия матери;

- по достижении ребенком возраста трех лет и до достижения возраста

пяти лет – каждое воскресенье с 10 до 13 часов по месту жительства по месту фактического проживания ребенка с возможностью совершать прогулки в местах, предназначенных для детского досуга, в районе места жительства ребенка, без присутствия матери;

- по достижении ребенком возраста пяти лет – каждое воскресенье с 10 до 17 часов по месту жительства отца с возможностью совершать прогулки в местах, предназначенных для детского досуга, в районе места жительства отца, а также в период ежегодного отпуска отца в течение 14 дней в году.

Изменяя указанное решение суда в части времени, отведенного для общения отца с ребенком, и устанавливая дополнительные дни и время, в которые отец будет иметь возможность общаться с дочерью, судебная коллегия по гражданским делам Владимирского областного суда в апелляционном определении от 6 февраля 2014 г. указала¹, что установленный судом первой инстанции порядок общения отца с дочерью не является достаточным, ведет к нарушению интересов обоих родителей и ребенка, не является благоприятным для физического, психоэмоционального развития малолетнего ребенка. Такой порядок общения с дочерью не позволяет истцу в полной мере принять участие в воспитании ребенка, поскольку при разрешении данного вопроса, помимо прочего, также должны учитываться возраст ребенка, его привязанность к обоим родителям, состояние здоровья, иные вопросы, необходимые для соблюдения интересов ребенка.

¹ Арх. Владим. обл. суда. Апелляц. определение судеб. коллегии по гражд. делам Владим. обл. суда от 6 февр. 2014 г. делу № 33–290/2014.

Решение было изменено с определением следующего порядка общения отца с дочерью:

– до достижения ребенком возраста одного года шести месяцев: по месту фактического проживания ребенка с возможностью совершать прогулки в местах, предназначенных для детского досуга, в районе места жительства ребенка, в присутствии матери ребенка: каждое воскресенье с 11 до 13 часов; в среду по нечетным неделям месяца с 11 до 13 часов; в четверг по четным неделям месяца с 11 до 13 часов; в период ежегодного отпуска отца в течение 14 дней по месту проживания ребенка в присутствии матери с 9 до 13 часов;

– по достижении ребенком возраста одного года шести месяцев и до достижения возраста трех лет с передачей ребенка отцу, при этом отец забирает и возвращает ребенка по месту жительства ребенка в указанное время: в воскресенье по нечетным неделям месяца с 9 до 13 часов; в субботу по нечетным неделям месяца с 9 до 13 часов; в среду по нечетным неделям месяца с 10 до 13 часов; в четверг по четным неделям месяца с 10 до 13 часов; в период ежегодного отпуска отца в течение 14 дней по месту проживания ребенка с передачей ребенка отцу ежедневно с 9 до 16 часов;

– по достижении ребенком возраста трех лет и до достижения пяти лет с передачей ребенка отцу, при этом отец забирает и возвращает ребенка по месту жительства ребенка в указанное время: в воскресенье по нечетным неделям месяца с 9 до 18 часов; в субботу по четным неделям месяца с 9 до 18 часов; в среду по нечетным неделям месяца с 10 до 17 часов; в четверг по

четным неделям месяца с 10 до 17 часов; в период ежегодного отпуска отца в течение 14 дней по месту проживания ребенка с передачей ребенка отцу;

– по достижении ребенком возраста пяти лет с передачей ребенка отцу, при этом отец забирает и возвращает ребенка по месту жительства ребенка в указанное время: в воскресенье по нечетным неделям месяца с 9 до 20 часов; в субботу по четным неделям месяца с 9 до 20 часов; в среду по нечетным неделям месяца с 10 до 18 часов; в четверг по четным неделям месяца с 10 до 18 часов; в период ежегодного отпуска отца в течение 14 дней по месту проживания ребенка с передачей ребенка отцу.

Следует отметить, что определение возможности общения родителя с ребенком исключительно в присутствии другого родителя и по месту жительства ребенка допускается только в интересах ребенка при наличии существенных оснований, которые должны быть приведены в решении суда. Как отмечает А. М. Нечаева, в первое время целесообразно устанавливать встречи с ребенком родителя, которого он практически не знает, на «нейтральной территории» – в детском саду, в школе, в присутствии представителя органа опеки и попечительства либо педагога, воспитателя, психолога, способных объективно оценить процесс общения с точки зрения интересов несовершеннолетнего¹.

В то же время безосновательное, немотивированное ограничение права родителя ребенка, проживающего отдельно, на общение с ребенком посредством установления возможности общения исключительно в присут-

¹ Нечаева А. М. Указ. соч. С. 11.

ствии другого родителя и по месту жительства ребенка недопустимо.

Как показало изучение нами судебной практики, определяя порядок общения ребенка с родителем, проживающим отдельно от ребенка, суды лишь в отдельных случаях определяли возможность такого общения в присутствии другого родителя и по месту жительства ребенка – когда это необходимо в интересах ребенка. Вместе с тем встречаются случаи, когда суд без достаточных оснований определял место общения родителя с ребенком только по месту жительства ребенка.

Так, апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Владимирского областного суда от 28 января 2014 г. изменено решение Октябрьского районного суда г. Владимира от 14 октября 2013 г.: из решения суда исключено указание на то, что общение отца с сыном должно происходить по месту проживания ребенка, поскольку, как указала судебная коллегия, такой вариант общения в части определения места общения отца с ребенком не соответствует интересам ребенка и соблюдению баланса интересов, прав и обязанностей обоих родителей, так как родители испытывают крайнюю неприязнь друг к другу, между ними возникают взаимные претензии и конфликты¹.

Судебная коллегия указала, что при таких обстоятельствах посещение отцом ребенка квартиры его матери с целью общения с ребенком может привести к возникновению конфликт-

ных ситуаций и отрицательно сказаться на ребенке и его общении с отцом.

Кроме того, судом первой инстанции не выяснялся вопрос, согласны ли проживающие совместно с матерью ребенка лица на нахождение в жилом помещении по месту ее жительства ответчика (отца ребенка) в установленные дни.

Доказательства необходимости общения ответчика с сыном исключительно по месту жительства последнего и невозможности пребывания ребенка по месту жительства отца в материалах дела отсутствуют.

Согласно акту обследования жилищно-бытовых условий отца ребенка квартиры, в которой последний проживает, пригодна для проживания ребенка. Из заключения органа опеки и попечительства следует, что предпочтительным является порядок общения отца с сыном по месту проживания отца два раза в месяц по субботам с 14 до 18 часов в отсутствие третьих лиц.

Учитывая данное заключение органа опеки, судебная коллегия также пришла к выводу, что установленное судом первой инстанции время общения отца с сыном – дважды в месяц по два часа (с 16 до 18 часов) – является недостаточным для полноценного общения, в связи с чем, приняв во внимание удаленность места жительства ответчика от места жительства ребенка, а также установленные периоды общения – два раза в месяц по субботам, увеличила время общения на два часа (с 14 до 18 часов).

Если общение ребенка с отдельно проживающим от него родителем не отвечает интересам ребенка и может нанести ему вред, то в удовлетворении иска об определении порядка общения

¹ Арх. Владим. обл. суда. Апелляц. определение судеб. коллегии по гражд. делам Владим. обл. суда от 28 янв. 2014 г. по делу № 33-13/2014.

родителя с ребенком должно быть отказано.

Так, отказывая в удовлетворении исковых требований Б., отбывающего наказание в местах лишения свободы, к Е. об определении порядка общения с сыном в исправительном учреждении, Гусь-Хрустальный городской суд Владимирской области в решении от 6 сентября 2016 г.,¹ оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Владимирского областного суда от 8 ноября 2016 г.,² указал, что нахождение малолетнего сына истца в исправительном учреждении, основной функцией которого является наказание за совершение преступления, не будет благоприятным для его эмоционального и психического состояния, не будет способствовать интересам ребенка и может причинить вред несовершеннолетнему. Суд также принял во внимание заключение органа опеки и попечительства, из которого следовало, что родственные связи между сыном и отцом утрачены, сын отца не помнит и не знает, что тот отбывает наказание.

В заключение отметим, что при необходимости порядок общения с ребенком может быть изменен судом по требованию любого родителя, а по достижении ребенком возраста четырнадцати лет – по требованию и самого ребенка.

Так, М. В. обратился в суд с иском к М. А. об определении нового порядка

общения отца с ребенком, указав в обоснование, что определением Октябрьского районного суда г. Владимира от 12 января 2016 г. между сторонами спора утверждено мировое соглашение, по условиям которого установлен следующий порядок общения с ребенком: М. В. может общаться с ребенком еженедельно по субботам с 10 до 17 часов по месту регистрации ребенка, а также в местах детского досуга в присутствии матери. Однако квартира, в которой зарегистрирован ребенок, продана, истца не пускают по месту фактического проживания ребенка, условия мирового соглашения не исполняются. Решением Октябрьского районного суда г. Владимира от 16 декабря 2016 г. установлен новый порядок общения с ребенком, в том числе без присутствия матери по месту жительства отца³.

Таким образом, дела об определении порядка общения с ребенком имеют не только юридическую, но и психологическую, ценностную, нравственную стороны. Один из главных принципов медицинской этики – *primum non nocere* (прежде всего не навредить) – актуален и для судьи, рассматривающего спор об определении порядка общения с ребенком. Во всех случаях суд должен исходить из интересов ребенка и устанавливать порядок встреч, максимально отвечающий таким интересам, который не вредит ребенку, сглаживает негативные последствия расставания родителей, существенно не меняет сложившийся образ жизни ребенка.

¹ Арх. Гусь-Хрустального гор. суда Владим. обл. Дело № 2-1549/2016.

² Арх. Владим. обл. суда. Апелляц. определение судеб. коллегии по гражд. делам Владим. обл. суда от 8 нояб. 2016 г. по делу № 33-4451/2016.

³ Арх. Октябрьского район. суда г. Владимира. Дело № 2-5961/2016.

Библиографический список

1. Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ / Ю. Ф. Беспалов // Сем. и жилищ. право. – 2016. – № 5. – С. 11–15.
2. Демкина А. В. Споры о детях: место жительства ребенка и порядок осуществления родительских прав / А. В. Демкина // Журн. рос. права. – 2012. – № 5. – С. 76–84.
3. Емелина Л. А. Право ребенка на общение с отдельно проживающим после расторжения брака родителем / Л. А. Емелина, М. В. Лебедь // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 8. – С. 6–10.
4. Нечаева А. М. Общение как разновидность права родителя на семейное воспитание ребенка / А. М. Нечаева // Рос. юстиция. – 2017. – № 1. – С. 10–12.
5. Толмачева Е. Н. Практика разрешения семейно-правовых споров: доказательства и доказывание по семейным спорам о воспитании детей / Е. Н. Толмачева // Современ. право. – 2017. – № 4. – С. 83–89.

References

1. *Bespalov Yu. F.* Family Legal Status of the Child: Problems of the Family Legislation of the Russian Federation. *Semejnoe I Zilishchnoe pravo*. 2016. No. 5. P. 11–15.
2. *Demkina A. V.* Disputes over Children: Child's Place of Residence and Order of Exercise of Parental Rights. *Zhurnal Rossijskogo Prava*. 2012. No. 5. P. 76–84.
3. *Emelina L. A., Lebed M. V.* The Right of a Child to Communicate with Parents after Their Marriage Termination. *Zakony' Rossii: Opy't, Analiz, Praktika*. 2016. No. 8. P. 6–10.
4. *Nechaeva A. M.* Communication as a Kind of Right of a Parent to the Family Upbringing of the Child. *Rossijskaya Yusticiya*. 2017. No. 1. P. 10–12.
5. *Tolmacheva E. N.* Case Law on Family Disputes Resolution: Evidence and Proof in Family Disputes about Parenting. *Sovremennoe Pravo*. 2017. No. 4. P. 83–89.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

УДК 34.06

Бочкарев Александр Евгеньевич

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье исследуются положения гражданского процессуального законодательства, связанные с использованием электронных технологий при обращении в суд и оформлении процессуальных документов. Автор поднимает конкретные проблемы реализации института электронного правосудия, в частности, речь идет о порядке подготовки документов при предъявлении в суд искового заявления в электронном виде.

Ключевые слова: гражданский процесс, электронное правосудие, процессуальные документы, государственная пошлина, оставление иска без движения.

Bochkarev Aleksandr E.

ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT IN CIVIL PROCEDURE

Abstract. The article explores the provisions of the Civil procedural law connected with the usage of electronic technologies for application to court and preparation of procedural documents. The author illustrates the challenges of implementation of e-justice. He offers a strategy for filing e-claims and submission of e-documents to the Court.

Key words: civil procedure, e-justice, procedural documents, state fee, to leave the claim without consideration.

Процессуальное законодательство идет по пути расширения сферы применения электронного документооборота в гражданском, административном, арбитражном и уголовном судопроизводстве. В первую очередь это связано с упрощением судебных процедур для участников процесса, возможностью их дистанционного обращения в суд и получения необходимых документов. Многие теоретические вопросы электронного правосудия неоднократно освещались как практиками,

так и представителями науки¹. Однако в практической деятельности судов возник ряд вопросов, не нашедших своего отражения в юридической литературе. В рамках настоящей статьи предлагаем рассмотреть отдельные

¹ Аносов А. В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 179 с.; Бочкарев А. Е. Процедура распределения дел между судьями как фактор, влияющий на эффективность правосудия // Право, правосудие, исполнение наказаний: отечественный и зарубежный опыт: материалы науч.-практ. конф. Владимир, 2014. С. 49–59; Юдина Ю. В. Доступность правосудия: от идеи к реалиям // Арбитр. и гражд. процесс. 2016. № 11. С. 7–11.

практические проблемы и предложить пути их решения, апробированные в настоящее время на практике судами Владимирской области.

С 1 января 2017 г. вступили в законную силу изменения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее: ГПК РФ), касающиеся электронного документооборота в рамках гражданского судопроизводства¹. Указанный институт для гражданского процесса является новым, не апробированным практикой, в связи с чем в детальности судов общей юрисдикции возникли проблемы, которые не позволяют закону работать в полную меру и, в конечном счете, упростить судебные процедуры.

Первая проблема возникает уже на стадии обращения в суд с иском заявлением.

В соответствии со ст. 132 ГПК РФ к исковому заявлению прилагаются его копии в соответствии с количеством ответчиков и третьих лиц, а также документы, подтверждающие обстоятельства, на которых истец основывает свои требования, копии этих документов для ответчиков и третьих лиц, если копии у них отсутствуют.

Согласно ч. 2 ст. 150 ГПК РФ судья направляет или вручает ответчику копии заявления и приложенных к нему документов, обосновывающих требование истца. Эти же документы с учетом положений ст. 42 и 43 ГПК РФ направляются либо вручаются третьим лицам.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26, ст. 3889.

Указанные нормы процессуального законодательства действуют как при подаче искового заявления на бумажном носителе, так и в электронном виде.

Таким образом, и в случае предъявления в суд искового заявления в электронной форме, копии всех необходимых документов должны быть вручены ответчику и третьим лицам. При этом очевидно, что никаких копий у суда нет, поскольку материалы поступили в суд в электронном виде.

В связи с отсутствием достаточной регламентации данного вопроса районные и городские суды Владимирской области подошли к его решению несколькими путями.

Часть судов приняли к производству иски, самостоятельно распечатали все документы и разослали их участникам процесса². Ряд судов также возбудили гражданские дела и направили истцам требования о предоставлении копий исков и документов для вручения ответчикам и третьим лицам³. Другие суды оставили иски без движения по причине непредставления копий исковых заявлений и приложенных к ним документов по числу лиц, участвующих в деле⁴.

Рассмотрим, какой из этих вариантов решения проблемы представляется правильным.

Бесспорно то, что участники процесса должны быть обеспечены копиями документов. При этом закон не содер-

² Арх. Собинского район. суда Владим. обл. Дела № 2-1-224/2017, 2-1-310/2017.

³ Арх. Гусь-Хрустального гор. суда Владим. обл. Дела № 2-426/2017, 2-428/2017.

⁴ Арх. Октябрьского район. суда г. Владимира. Материал № 11-71/2017.

жит указания на то, в каком виде исковое заявление с приложенными к нему документами должно быть направлено ответчику и третьим лицам – в электронном или бумажном. Представляется, что допустим любой вариант.

Если исковое заявление, поданное в электронном виде, содержит сведения об электронных адресах сторон, то суд имеет возможность направить участникам процесса копии документов также в электронном виде и никакой проблемы не возникает. Здесь следует оговориться, что принадлежность электронных адресов участникам процесса должна быть не просто указана в исковом заявлении, а подтверждена документами (приведена в договорах, в переписке и т.п.). Основными источниками таких исков в судах области на настоящий момент являются банки, каких-либо препятствий указывать заранее в договорах и иных документах электронные адреса своих клиентов у них не имеется. Приведенный случай является идеальным и в практике судов области на настоящий момент не встречался.

По всем исковым заявлениям, поданным в суды области в электронной форме, сведений об электронных адресах участников процесса указано не было. Несмотря на это, участники процесса должны получить копии документов. Положений о том, что на суде лежит обязанность изготовления копий таких документов ГПК РФ не содержит. Как указано выше, такая обязанность лежит на истце (ст. 132 ГПК РФ). В данной ситуации истец, не обеспечивший возможность направления участникам процесса копий иска и документов в электронном виде путем предоставления их электронных адре-

сов, должен представить копии искового заявления и иных документов на бумажном носителе. Нарушение данного требования является основанием для оставления искового заявления без движения в соответствии с правилами ст. 136 ГПК РФ. По большому счету аналогичный подход реализован в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации с той лишь разницей, что копии документов на бумажном носителе истец направляет другим участникам процесса самостоятельно (ст. 126 ГПК РФ). Описанный подход в настоящее время применяется в судах Владимирской области.

При обсуждении приведенного вопроса озвучивалось мнение о возможности направления копий документов участникам процесса на электронных носителях, например CD-диске. Однако от данной идеи пришлось отказаться, поскольку условия пересылки почты не гарантируют сохранность информации на диске.

Резюмируя указанную проблему, можно отметить, что смысл электронного правосудия при необходимости представления копий документов в бумажном виде фактически теряется. Для того чтобы полноценно обратиться в суд в электронной форме, истец должен заранее формировать свои отношения с иными участниками правоотношений, указывая в договорах либо иных документах электронные адреса сторон.

Следующий проблемный вопрос связан с подтверждением уплаты государственной пошлины.

Положения ст. 132 ГПК РФ возлагают на истца обязанность вместе с исковым заявлением представлять в суд документ об уплате государственной

пошлины. При этом должен представляться именно подлинный документ. Это связано с исключением возможности неоднократного использования одного и того же документа с различными исковыми заявлениями без фактической уплаты пошлины по ним.

В то же время положения ч. 1.1 ст. 3 ГПК РФ допускают представление в суд в электронной форме любых документов, в том числе и подтверждающих уплату государственной пошлины.

В связи с этим возникает вопрос: каким образом, с одной стороны, реализовать электронное правосудие в полной мере, с другой стороны, предупредить возможность злоупотреблений при уплате государственной пошлины?

Нами предлагается следующий вариант представления документа об уплате государственной пошлины. В случае, если такой документ направляется в суд в электронной форме, то в нем должно быть прямо на это указано, дополнительно документ должен содержать ин-

формацию, по какому конкретно иску он оформлен. Только при этих условиях документ об уплате государственной пошлины невозможно будет использовать неоднократно, одновременно плательщику пошлины не составит труда внести приведенные сведения при уплате пошлины. Необходимо оговориться, что применение такого подхода в судах Владимирской области находится на стадии обсуждения.

Завершая статью, следует отметить, что приведенные проблемы, касающиеся копий документов и государственной пошлины, возникают не только при возбуждении гражданского дела, но и на иных стадиях гражданского процесса. Схожие проблемы имеются при реализации электронного документооборота в административном и уголовном судопроизводстве.

Существуют и иные проблемы электронного правосудия как юридического характера, так и технического плана, которые требует отдельного освещения.

Библиографический список

1. *Аносов А. В.* Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / Аносов Александр Владимирович. – М., 2017. – 179 с.
2. *Бочкарев А. Е.* Процедура распределения дел между судьями как фактор, влияющий на эффективность правосудия / А. Е. Бочкарев // *Право, правосудие, исполнение наказаний: отечественный и зарубежный опыт: материалы науч.-практ. конф.* – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2014. – С. 49–59.
3. *Юдина Ю. В.* Доступность правосудия: от идеи к реалиям / Ю. В. Юдина // *Арбитр. и гражд. процесс.* – 2016. – № 11. – С. 7–11.

References

1. *Anosov A. V.* Information and Legal Issues of the Formation of Electronic Justice in the Russian Federation. M., 2017. 179 p.
2. *Bochkarev A. E.* Procedure for the Distribution of Cases between Judges as a Factor Influencing the Effectiveness of Justice. *Law, Justice, Execution of Sentences: Domestic and Foreign Experience.* Vladimir, VYul FSIN Rossii, 2014. P. 49–59.
3. *Yudina Yu. V.* Accessibility of Justice: from Idea to Reality. *Arbitrazhny'j i Grazhdanskij Process.* 2016. No. 11. P. 7–11.

Илюхин Андрей Владимирович,
Илюхина Вера Александровна

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА
И ГРАЖДАНИНА И ПРАКТИКА ИХ ПРИМЕНЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЯМИ
И ОРГАНАМИ ФСИН РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с возможностью законного установления ограничений прав и свобод человека и гражданина в отдельных ситуациях, в первую очередь в связи с тем, что непосредственные угрозы правам и свободам личности иногда исходят и от решений и действий органов государственной власти и органов местного самоуправления. В связи с этим особую значимость и интерес приобретает деятельность Федеральной службы исполнения наказаний, поскольку невозможно представить себе исполнение уголовных наказаний без ограничений прав и свобод виновных в противоправных действиях

Ключевые слова: права человека, ограничения прав и свобод человека и гражданина, права осужденных.

Ilyukhin Andrey V.,
Ilyukhina Vera A.

**CONSTITUTIONAL AND LEGAL RESTRICTIONS ON THE RIGHTS
AND FREEDOMS OF A PERSON AND A CITIZEN AND THE PRACTICE
OF THEIR APPLICATION BY INSTITUTIONS AND AGENCIES
OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA IN RELATION
TO CONVICTS IN RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. The article is devoted to the consideration of issues related to the possibility of the legal establishment of restrictions on the rights and freedoms of a person and citizen in certain situations, primarily due to the fact that direct threats to the rights and freedoms of an individual sometimes emanate from decisions and actions of public authorities local government. In this regard, the activities of the Federal Penitentiary Service are of particular importance and interest, since it is impossible to imagine the execution of criminal penalties without restricting the rights and freedoms of those guilty of unlawful acts

Key words: human rights, restrictions on the rights and freedoms of a person and a citizen, rights of convicts.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. права и свободы человека и гражданина провозглашены высшей ценностью. При этом в Основном законе страны устанавливается государственно-правовой механизм их гарантирования и защиты. Признание приоритета прав и свобод личности

влечет за собой признание абсолютно новой роли государства – оно выступает в качестве гаранта и защитника прав и свобод человека. Такое возложение на государство обязанности по защите прав требует обязательного четкого законодательного урегулирования взаимоотношений между личностью и государством. Именно

¹ © Илюхин А. В., Илюхина В. А., 2017

разрешение противоречий интересов личности, общества и государства дает право говорить о правомерных, соразмерных и справедливых ограничениях конституционных прав и свобод человека и гражданина. Конституция Российской Федерации, сформулировав и закрепив основания, пределы и цели ограничений конституционных прав и свобод личности, защищает права и свободы человека. Однако проведенный комплексный анализ действующего законодательства, имеющих научных исследований и судебной практики свидетельствует о том, что существующее состояние защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина не удовлетворяет потребностям граждан страны, а также оказывает негативное влияние на развитие государства. Отсутствие ясности, четкости в законодательстве, наличие противоречий приводит к произвольным ограничениям конституционных прав и свобод человека и гражданина. Отметим, что непосредственные угрозы правам и свободам личности иногда исходят и от решений и действий органов государственной власти и органов местного самоуправления. В связи с этим особую значимость и интерес приобретает деятельность Федеральной службы исполнения наказаний, поскольку невозможно представить себе исполнение уголовных наказаний без ограничений прав и свобод виновных в противоправных действиях. Все перечисленное обуславливает актуальность, значимость данной проблемы, решение которой направлено в первую очередь на поиск путей и средств для преодоления имеющихся пробелов в институте ограничения конституционных прав человека и гражданина.

Наиболее актуальным направлением развития российской теории права можно признать развитие теории защиты основных прав человека и гражданина, ориентированной, по своей сути, на реализацию прикладной функции общей теории права¹. Один из основных философских вопросов взаимодействия общества, государства и индивидуума состоит в том, есть ли возможность, основание и мера вторжения государства в свободу конкретного человека. Ведь состояние свободы – это естественное внутреннее состояние, которое присуще каждому человеку. При этом внутреннее состояние свободы одного человека ограничивается внутренним состоянием естественной свободы другого человека. Значит, реализация присущего каждому человеку состояния естественной свободы может привести не только к неизбежному пересечению интересов людей, но и в отдельных случаях к их столкновению. Это может стать причиной ущемления свободы одного человека свободой других, что недопустимо. Вторым выводом, который можно сделать на основе анализа философии права, – для успешной реализации внутреннего состояния естественной свободы необходимо четкое закрепление его в системе социальных отношений, т.е. для разумного регулирования общественных отношений в обществе должен быть механизм, который позволял бы ограничивать свободу субъектов с целью недопущения злоупотреблений этой свободой.

¹ Цуканов А. Н. Правовая теория защиты основных прав по Российской Конституции и международному праву прав человека: учеб. пособие. Пермь, 2005. С. 12.

На необходимость и неизбежность ограничения прав и свобод человека указывают большинство исследователей права как прошлого, так и настоящего. Например, выдающийся русский философ XIX в. Е. Н. Трубецкой в своих «Трудах по философии права» отмечал: «Где свобода отдельного лица не ограничена никакими правилами, никакими предписаниями, там нет вообще никакого права: существенным признаком права является правило, или норма, ограничивающая свободу»¹. Исходя из изложенного абсолютный характер свободы человека перестает быть таковым в том случае, если попытки субъекта реализовать свою свободу в неограниченном виде будут наталкиваться на аналогичные попытки реализовать свою свободу со стороны третьих лиц.

Для предотвращения возможной конфронтации есть только один наиболее приемлемый путь – ограничение абсолютной свободы каждого из субъектов посредством установления ее пределов. Таким образом, сущность конституционных ограничений заключается в признании прав человека естественными, с одной стороны, и признанием роли государства как гаранта этих прав и одновременно главной угрозой этим правам – с другой. Государство, как считает В. В. Гошуляк, сохраняя свою относительную самостоятельность, выступает регулятором интересов всей совокупности лиц, находящихся на его территории, – именно оно должно заботиться о всеобщем благе и в то же время не допускать его расширения до таких пределов, за которыми последуют нарушения прав и свобод человека

¹ Трубецкой Е. Н. Труды по философии права. СПб., 2001. С. 291.

и гражданина со стороны государства². Любое государство имеет свою систему социальных ценностей, ориентиров и направлений. Отсюда и возникают основания определения границ, пределов в реализации гражданами своих законных прав и свобод.

Главной проблемой конституционного права (как и любой другой отрасли права) является определение баланса между интересами личности и интересами третьих лиц, интересами государства, т.е. установление конституционных основ свободы личности. Признаем, что этого сделать невозможно без теоретико-правового осмысления данной проблемы, поэтому в институте ограничения конституционных прав и свобод основными понятиями являются «права человека» и «свободы человека».

В специальной литературе эти понятия определяются неодинаково. По мнению А. Я. Азарова, «среди всех ценностей нематериального характера, осознанных человечеством как действительно универсальные, общечеловеческие ценности, права и свободы человека стоят на первом месте»³. По нашему мнению, единого верного понятия прав человека дать практически невозможно. Это связано с тем, что права человека – это многогранное явление, постоянно изменяющее свою форму. Понятие «свобода» воспринимается исследователями достаточно неоднозначно. В. И. Гойман выделяет

² Гошуляк В. В. Пределы ограничения права собственности в конституционном праве России // Закон. 2004. № 3. С. 98.

³ Азаров А. Я. Гуманизм и права человека – философско-правовое содержание // Конституционные права и свободы человека и гражданина в РФ: учеб. для вузов / под ред. О. И. Тиунова. М., 2005. С. 2.

два значения понятия права (свободы): общесоциальное и специально-юридическое. В первом случае свобода рассматривается как состояние человека, отражающее его возможность действовать по собственному усмотрению. В данном случае свободу можно рассматривать как естественное право, которое не ограничено нормами формального права – право в фактической норме. В специально-юридическом смысле свобода – это официально признанная и легализованная мера возможного поведения¹. А. Я. Азаров, в свою очередь, предлагает все же отличать категории «права человека» и «свободы человека», указывая на то, что если говорить о юридической природе, нормативном закреплении прав и свобод в правовых актах, их реализации, а также о механизмах защиты, то трудно провести между этими понятиями четкую границу. В этом смысле они тождественны. Вместе с тем есть в этих понятиях и определенная специфика². Если рассматривать их с точки зрения правомочий в отношении «гражданин – государство», то различия будут выражены в следующем: свободы человека – это те области деятельности человека, в которые государство не имеет права вмешиваться, оно лишь очерчивает с помощью правовых норм границы, контуры, территорию, на которых человек действует либо не действует по своему усмотрению, по своему выбору. В правах же человека, в отличие от свободы человека, фикси-

руется конкретная область, направление деятельности индивида. Здесь уже не имеется свободы выбора, варианта действия внутри данного права, им можно воспользоваться, реализовать его либо оставить нереализованным, так как право не есть обязанность³.

Если анализировать правовую литературу, то под правами и свободами обычно понимают наиболее важные права и свободы человека и гражданина, раскрывающие естественное состояние свободы. Необходимо отметить, что каждое право и каждая свобода имеют определенные, четко регламентированные рамки, т.е. каждой из свобод соответствует обязанность (например, уважение нравов, отказ от осуществления других действий, которые могут затрагивать интересы других граждан и т.д.). Следует напомнить, что в Конституции Российской Федерации закреплён концептуальный подход к соотношению интересов индивидуума (личности), общества и государства, выраженный в четкой и понятной формуле: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Одновременно с введением этого подхода в Основной Закон страны вводится термин «ограничение прав и свобод человека и гражданина».

В тексте Конституции Российской Федерации термин «ограничение» применительно к правам и свободам человека и гражданина используется восемь раз (ст. 19, 23, 55, 56 (дважды – в ч. 1 и 3), 74, 79, 133); четыре раза законодатель воспользовался сопрягающимся с ним термином «ума-

¹ Гойман В. И. Выступление на круглом столе «Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву» // Государство и право. 1998. № 7. С. 26.

² Азаров А. Я. Указ. соч. С. 34.

³ Колотова Н. В. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы // Государство и право. 2001. № 5. С. 89–101.

ление» (ст. 21, 55 (дважды – в ч. 1 и 2), 62); кроме того, в некоторых статьях фактически идет речь об ограничениях, хотя сам термин «ограничение» отсутствует (ст. 13, 20, 22, 24, 25, 29, 31 и др.). Новизна данного понятия обусловила и неопределенность его содержания. Можно констатировать, что на настоящий момент в российской юридической науке, а равно и в действующем российском законодательстве отсутствует единое понимание данного термина. Не существует четкого и безупречного определения данного понятия, нет анализа его сущности и содержания с точки зрения конституционных принципов и идей.

Для понимания смысла термина «ограничение» необходимо уяснить значение слова «ограничение». С. И. Ожегов дает ему следующую трактовку: «стеснить определенными условиями, поставить в какие-нибудь рамки, границы»¹. Необходимо отметить, что право в законе – это ограничение естественного права путем установления заранее определенных границ его реализации, дозволенных способов, обеспечения механизмов защиты от нарушения или путей восстановления нарушенного права. В указанном смысле справедливо утверждение о том, что только ограниченное и содержащее пределы своей реализации право отвечает своему главному предназначению. А как известно, первичная сущность права заключается в достижении равновесия между двумя нравственными интересами – личной свободой и общим благом. Можно ли дать четкое определение понятию «ограничение права

и свобод человека»? Понятие правового ограничения было сформулировано многими правоведами. По мнению А. В. Малько, правовое ограничение – это «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрагента и общественных интересов в охране и защите; то есть это определенные, установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц»².

Наибольшую значимость правовые ограничения приобретают именно в конституционном праве, так как во многом они приближаются к теоретической конструкции, получают надотраслевые черты, которые конкретизируются в отдельных текущих законах. Именно эти ограничения и выступают в дальнейшем тем специфическим индикатором, который позволит определить степень свободы и защищенности личности³.

Есть и другие понятия ограничения конституционного права. У В. И. Гоймана ограничение права – это «осуществляемое в соответствии с предусмотренными законом основаниями и в установленном порядке сужение его объема»⁴. Б. С. Эбзеев предлагает следующее определение ограничений прав: это «допускаемые Конституцией и установленные федеральным законом изъятия из конституционного статуса человека

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2011. С. 444.

² Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: монография. М., 2004. С. 88.

³ Малько А. В. Правовые ограничения: от отраслевого понимания к теоретическому // Правоведение. 1993. № 5. С. 24.

⁴ Гойман В. И. Указ. соч. С. 28.

и гражданина и, кроме того, в качестве ограничения основных прав может рассматриваться также изъятие из круга правомочий, составляющих нормативное содержание основных прав и свобод»¹. М. А. Нагорная считает, что ограничение права – это «изменение содержания или объема действия нормы права»².

Важнейшим признаком ограничения права, по мнению большинства ученых, является то, что ограничение – это установление предела свободы индивида. А. В. Малько подчеркивает, что правовые ограничения ставят действия индивидов в определенные рамки, суживают их возможности до юридически и социально требуемого состояния³.

Ограничение прав и свобод предполагает использование некоторого ограничивающего или запрещающего воздействия на поведение субъекта в формах запрета, вторжения, обязанности, наказания, приостановления, ограничения. В связи с этим особого внимания заслуживает такая форма ограничения, как запрет, который является классической формой ограничения. Устанавливая запрет на совершение определенных действий, законодатель возлагает на гражданина обязанность воздерживаться от запрещенных действий. По мнению А. В. Малько, запрет препятствует удовлетворению интересов индивида, в отношении которого он действует,

¹ *Эбзеев Б. С.* Человек, народ, государство в конституционном строе РФ: монография. М., 2013. С. 230.

² *Нагорная М. А.* Конституционное право России: учеб. пособие в определениях и схемах. Н. Новгород, 1998. С. 19.

³ *Малько А. В.* Стимулы и ограничения в праве. С. 95.

и направлен на реализацию интересов противоположной стороны. Иначе говоря, запреты – это государственно-властные средства, позволяющие сдерживать, предотвращать противоправные деяния, могущие причинить вред обществу, личности или государству. Существует не менее двух подходов к понятию запрета: ученые, отстаивающие первый подход, считают ограничение права как частичный запрет («ограничение близко к запрету, однако оно рассчитано не на полное вытеснение того или иного общественного отношения, а на удержание его в жестко ограничиваемых рамках»⁴), сторонники второго подчеркивают, что ограничение является самостоятельным способом правового регулирования, существующим наряду с запретом.

Теперь попробуем перекинуть логический мост между теорией и практикой конституционного ограничения прав на примере работы учреждений и органов, исполняющих наказания.

В ст. 17 Конституции Российской Федерации декларируется неприкосновенность конституционных прав человека, но в отдельных случаях, например в отношении к осужденным, возможно правомерное уменьшение объема конституционных прав. Характер и степень этих ограничений имеют весьма большое значение, они решающим образом регламентируют реализацию конституционных прав человека в местах лишения свободы.

Правовой статус осужденного в российском законодательстве формулируется с учетом общих принципов положения человека и гражданина в обществе и государстве,

⁴ *Малько А. В.* Стимулы и ограничения в праве. С. 93.

а также с учетом требований международного законодательства в данной сфере. Основным элементом правового положения осужденных является ограничение прав и свобод, которые включают в себя и конституционно-правовые ограничения прав и свобод. В ст. 10 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее: УИК РФ) устанавливаются источники ограничения прав и свобод гражданина, в которые входят: законодательство, устанавливающее позитивный статус граждан России (ограничения на пользование оружием, некоторые ограничения в избирательных правах, ограничения на свободу передвижения), ограничение права на неприкосновенность личности и жилища регламентируются ст. 82 УИК РФ, предусматривающей возможность проведения обыска как осужденного, так и помещения, в котором находится данный осужденный)¹.

Размер ограничений, если можно ввести такую категорию, определяется режимом отбывания наказания. Для осужденных к наказаниям, которые не связаны с изоляцией от общества, ограничения вытекают из порядка и условий отбывания наказаний. Однако практически указанные источники ограничений гражданских прав и свобод регламентируются нормами уголовно-исполнительного законодательства (например, установление цензуры переписки осужденного).

В теории уголовно-исполнительного законодательства преобладает точка зрения, согласно которой изоляция от общества явля-

ется общезапретительной нормой, когда правоограничения объясняются нахождением осужденных в местах лишения свободы (такие ограничения распространяются на те права, которые могут способствовать совершению в учреждениях и органах, исполняющих наказания, определенных правонарушений: хранение опасных предметов или запрещенных предметов, денег, ценных вещей и т.д.). Для недопущения совершения преступления осужденные подвергаются личному обыску, а их корреспонденция досматривается. Политическая свобода, о чем мы уже упоминали, реализуется не в полном объеме: имеются ограничения избирательных прав (не имеют права избирать и быть избранными граждане, которые признаны недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда). Свобода совести и вероисповеданий гарантируется осужденным в соответствии со ст. 14 УИК РФ. Осужденные имеют право исповедовать любую религию, если это не нарушает правил внутреннего распорядка пенитенциарного учреждения. Допускается отправление религиозных обрядов для осужденных, разрешается приглашать к лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, служителей культа. Следует отметить, что реализация права исповедовать в местах лишения свободы любую религию, беседы с священнослужителями оказывают существенное воспитательное воздействие на осужденных. Это отмечала еще Екатерина II: «Можно... сыскать способы возвратить заблудшие умы на путь правый: правилами Закона Божия, любомудрия и нравоучения, выбранными и соображенными с сими умона-

¹ *Бланков А. С., Фокин В. М. Уголовно-исполнительное право РФ: учеб. для вузов / под ред. В. П. Кашепова. СПб., 2007. С. 272.*

чертаниями; уравненным смешением наказаний и награждений; беспогрешным употреблением пристойных правил честности, наказанием, состоящим в стыде, непрерывным продолжением благополучия и сладкого спокойствия»¹.

Другие политические права и свободы лишенных свободы в настоящее время реализуются в обычном порядке, так как в законодательстве нет каких-либо ограничений.

Считаем необходимым обратить особое внимание и на вопрос наказания. Наказание за совершенное преступление – это не акт мести, ставящей целью унижение человеческого достоинства (ст. 7 УК РФ, ст. 3, ст. 12 УИК РФ), это справедливое воздаяние за совершенное противоправное деяние, реакция общества и государства на посягательство на определенные общественные отношения. Однако ущемление прав и достоинства личности при реализации наказания в виде лишения свободы все же неизбежно происходит: причиняются определенные физические, нравственные страдания, без которых реализация наказания не представляется возможной. Данное положение стоит признать принципиальным, так как оно не дает возможности уклониться от поиска решений данной проблематики, лишь прикрываясь формулировкой об отсутствии цели унижения человеческого достоинства. Считаем, что необходимо исследовать все факторы, влияющие на степень ограничения прав и законных интересов граждан, находящихся в местах лишения свободы, а также

способствовать приведению данных факторов в соответствие с требованиями справедливости, принципами рационального применения принудительных средств и стимулирования правопослушного поведения².

Есть и другие нормы, ограничивающие общегражданские права осужденных в рамках предупреждения преступлений, например, определенные правоограничения установлены в нормах гражданского, трудового, жилищного и других отраслей права.

Реализация гражданских прав в части наследования и распоряжения имуществом осуществляется осужденными в рамках его гражданской правоспособности. Осужденный, действуя через своих законных представителей, может участвовать в имущественных правоотношениях, иметь на правах частной собственности недвижимое имущество, вещи, ценности, если, конечно, они не были конфискованы по приговору суда.

Что касается норм семейного права, то здесь устанавливается упрощенный порядок расторжения брака с осужденными. Это сделано для того, чтобы защитить интересы той стороны, которая не осуждена к уголовному наказанию.

Большая часть общегражданских прав осужденных реализуется в установленном для граждан России порядке: осужденные могут встречаться с адвокатами и получать необходимую юридическую помощь, обращаться с соответствующими письмами в компетентные государственные ор-

¹ Наказ Императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения. Спб., 1907. Гл. VIII, ст. 93.

² Халилов Р. Н. Понятие «режим отбывания наказания» в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы // Вестн. Влад. юрид. ин-та. 2009. № 1(10). С. 169.

ганы, общественные организации, к должностным лицам (наиболее популярным, по подсчету Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, является обращение к омбудсмену), приобретать литературу, письменные принадлежности. При этом обращения в компетентные органы, контролирующие деятельность исправительных учреждений, не подлежат просмотру сотрудниками исправительных учреждений и направляются адресатам в суточный срок, за исключением праздничных и выходных дней.

Что касается трудового права, то осужденные в некоторой степени ограничиваются в конституционном праве на труд. Лицо, отбывающее наказание, не может самостоятельно поступить на работу, руководствуясь своим выбором. Это связано, во-первых, с тем, что осужденный должен трудиться на местах и работах, которые определяются администрацией исправительного учреждения (другое дело, что в среднем лиц, работающих в исправительном учреждении, чуть более половины); во-вторых, специальность осужденного не учитывается в исправительном учреждении. В это же время требования, предъявляемые к продолжительности рабочего дня осужденных, правил охраны труда, техники безопасности устанавливаются законодательством Российской Федерации о труде так же, как и для других граждан России. Осужденный может получить разрешение на занятие индивидуальной трудовой деятельностью (ст. 103 УИК РФ).

Осужденные не могут реализовать право на получение высшего образования в очной форме, так как они

должны постоянно находиться на территории исправительного учреждения и в связи с этим не могут присутствовать ежедневно на занятиях, но возможность повышения своего образовательного уровня при получении высшего заочного образования у осужденных имеется.

Резюмируя вышеизложенное, стоит признать, что правовое положение лиц, осужденных к различным видам уголовных наказаний, неодинаковое. Различия в правах осужденных вызваны характером, тяжестью совершенного преступления, степенью общественной опасности и назначенным наказанием¹.

Таким образом, права и свободы личности – важнейшие понятия конституционного права. Их особенность проявляется в самой значимости этих прав и свобод в жизни общества и государства. Наиболее важным аспектом в понимании феномена прав и свобод личности выступает правовая природа их взаимодействия с государственной властью, с демократическим государством.

Процесс социального развития неизбежно порождает ситуации, требующие от государства применения ограничений по отношению к гражданам. «В ряде случаев ограничение прав и свобод используется не только для воздействия на правонарушителей, но и для предупреждения правонарушений», – отмечал О. Е. Кутафин². Шаги по ограничению прав являются цивилизованным способом регулирования меры свободы в обществе.

¹ Селиверстов В. И. Уголовно-исполнительное право: учебник. М., 2013. С. 392.

² Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 414–415.

Конституция России, закрепляя основные права и свободы человека и гражданина, не абсолютизирует их, так как абсолютной свободы не существует, а свобода отдельной личности, индивидуума должна быть сбалансирована свободой других людей, разумными требованиями общества. Ограничение прав и свобод личности – это установленные законом пределы реализации и осуществления гражданином прав и свобод, которые выражаются в обязанностях, запретах, вторжениях, ответственности, существование которых предопределено необходимостью защиты конституционно признаваемых ценностей и назначением которых ста-

новится достижение определенного консенсуса между интересами социума, государства и индивида. Мы считаем, что действующее законодательство об ограничениях прав и свобод человека и гражданина можно выделить в качестве самостоятельного раздела российского законодательства, который будет содержать нормы, закрепляющие и регулирующие ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации во всех областях. Необходимость такого шага определяется содержательностью самих прав и свобод, видов и форм ограничений, их внутренней системностью.

Библиографический список

1. Бланков А. С. Уголовно-исполнительное право РФ: учеб. для вузов / А. С. Бланков, В. М. Фокин / под ред. В. П. Кашепова. – СПб.: Питер, 2007. – 272 с.
2. Гойман В. И. Выступление на круглом столе «Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву» / В. И. Гойман // Государство и право. – 1998. – № 7. – С. 26–29.
3. Гошуляк В. В. Пределы ограничения права собственности в конституционном праве России / В. В. Гошуляк // Закон. – 2004. – № 3. – С. 97–107.
4. Гуманизм и права человека – философско-правовое содержание / А. Я. Азаров [и др.] // Конституционные права и свободы человека и гражданина в РФ: учеб. для вузов / под ред. О. И. Тиунова. – М.: Норма, 2005. – 608 с.
5. Колотова Н. В. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / Н. В. Колотова // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 89–101.
6. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права / О. Е. Кутафин. – М.: Юрист, 2001. – 444 с.
7. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: монография / А. В. Малько – М.: Юрист, 2004. – 250 с.

Reference

4. Azarov A. Ya. [et al.] Humanism and Human Rights – the Philosophical and Legal Content. *Constitutional Rights and Freedoms of Man and Citizen in the Russian Federation*. Ed by O. I. Tiunov. M. Norma, 2005. 608 с.
1. Blankov A. S., Fokin V. M. Penal Law of the Russian Federation. Ed. by V. P. Kashenov. – SPb.: Piter, 2007. 272 p.
2. Goyman V. I. Speech at the Round Table «Principles, Limits, Grounds for Limiting Human Rights and Freedoms under Russian Law and International Law». *Gosudarstvo i Pravo*. 1998. No. 7. P. 26–29.
3. Goshulyak V. V. Limits of Restriction of the Property Right in the Constitutional Law of Russia. *Zakon*. 2004. No. 3. P. 97–107.
5. Kolotova N. V. Human Rights: the Results of the Century, Trends, Prospects. *Gosudarstvo i Pravo*. 2001. No. 5. P. 89–101.
6. Kutafin O. E. Subject of Constitutional Law. M., Yurist', 2001. 444 p.
7. Mal'ko A. V. Incentives and Restrictions in Law. M., Yurist', 2004. 250 p.
8. Mal'ko A. V. Legal Restrictions: from Sectoral Understanding to Theoretical. *Pravovedenie*. 1993. No. 5. P. 14–26.
9. Nagornaya M. A. The Constitutional Law of Russia. N. Novgorod, Nizhegorodskaya Akademiya MVD RF, 1998. 130 p.

8. Малько А. В. Правовые ограничения: от отраслевого понимания к теоретическому / А. В. Малько // Правоведение. – 1993. – № 5. – С. 14–26.
9. Нагорная М. А. Конституционное право России: учеб. пособие в определениях и схемах / М. А. Нагорная. – Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД РФ, 1998. – 130 с.
10. Наказ Императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения. – Спб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1907. – 334 с.
11. Селиверстов В. И. Уголовно-исполнительное право: учебник / В. И. Селиверстов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 544 с.
12. Трубецкой Е. Н. Труды по философии права / Е. Н. Трубецкой. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. – 544 с.
13. Халилов Р. Н. Понятие «режим отбывания наказания» в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы / Р. Н. Халилов // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2009. – № 1(10). – С. 168–170.
14. Цуканов А. Н. Правовая теория защиты основных прав по российской Конституции и международному праву прав человека: учеб. пособие / А. Н. Цуканов – Пермь: Книж. мир, 2005. – 134 с.
15. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе РФ: монография / Б. С. Эбзеев. – 2-е изд. – М., 2013. – 656 с.
10. The Empress Catherine II's Order, given by the Commission on the drafting of the New Code. Spb. Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk. 1907. 334 p.
11. Seliverstov V. I. Penal law. M., Norma, INFRA-M, 2013. 544 p.
12. Trubeczkoj E. N. Proceedings on the Philosophy of Law. SPb., Izdatel'stvo RHGI, 2001. 544 p.
13. Halilov R. N. The Concept of «The Regime of Serving Punishment» in Institutions that Carry out Punishment in the Form of Imprisonment. Vestnik Vladimirsikogo Yuridicheskogo Instituta. 2009. No. 1(10). P. 168–170.
14. Cukanov A. N. The legal Theory of the Protection of Fundamental Rights under the Russian Constitution and International Human Rights Law. Perm', Knizhny'j mir, 2005. 134 p.
15. Ehbzeev B. S. Man, People, State in the Constitutional System of the Russian Federation. 2 nd ed. M.: Yuridicheskaya Literatura, 2013. 656 p.

Кисляков Антон Валерьевич

**АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ
ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПОД СТРАЖУ И ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ
НА ПОЛУЧЕНИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ**

Аннотация. В статье раскрывается актуальность проблемы реализации права осужденного к лишению свободы (заключенного под стражу) на получение квалифицированной психологической помощи. Анализируется действующее законодательство, регулирующие вопросы участия психолога в работе с осужденными и заключенными с позиции норм права, приводятся результаты конкретных научных исследований и статистических данных, указывающих на большую распространенность психических аномалий среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, а также некоторые проблемы взаимодействия психологов и других работников УИС, осуществляющих непосредственные функции по применению к осужденным основных средств исправления.

Ключевые слова: психологическая помощь, психические аномалии, применение основных средств исправления, персонал УИС.

Kislyakov Anton V.

**THE RELEVANCE OF THE PROBLEMS OF RESTRICTING THE RIGHTS
OF DETAINEES AND THOSE SENTENCED TO IMPRISONMENT
FOR OBTAINING QUALIFIED PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE**

Abstract. The article reveals the urgency of the problem of realization of the right of a convicted person to imprisonment (imprisoned) to receive qualified psychological assistance. An analysis is made of the current legislation regulating the participation of psychologists in working with convicts and prisoners on the basis of the rule of law, the results of specific scientific studies and statistics indicating the high prevalence of mental abnormalities among persons held in MIS institutions, as well as some problems of interaction between psychologists and other employees of the penal system, which exercise direct functions for the application of fixed remedies to convicts.

Key words: psychological help, mental anomalies, application of fixed remedies, UIS staff.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» закреплено, что одной из основных целей долгосрочного социально-экономического развития нашего государства являются «...сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения

свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы, проведение в местах лишения свободы мероприятий в целях адаптации в обществе освободившихся осужденных, в том числе с участием гражданского общества².

Эффективность социальной и психологической работы в местах лишения свободы зависит во многом от

¹ © Кисляков А. В., 2017

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 47, ст. 5489.

того, как в настоящее время в уголовно-исполнительной системе (далее: УИС) юридически и фактически организована процедура реализации прав лиц (осужденных к уголовным наказаниям и заключенных под стражу), содержащихся в исправительных учреждениях.

Попытаемся раскрыть заявленную тему через освещение некоторых важных аспектов, которые сами по себе являются объектами отдельных исследований и требуют особенного внимания как со стороны субъекта законодательной инициативы, так и правоприменителя в лице конкретных представителей персонала УИС.

Проблема правового регулирования.

Основываясь на Конституции Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее: УИК РФ) и Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее: ФЗ-103)¹, в числе основных прав осужденных к уголовным наказаниям и заключенных под стражу, предусмотрены *право на охрану здоровья и получение медицинской помощи* (ст. 41 Конституции РФ), включая получение медико-санитарной и специализированной медицинской помощи в амбулаторно-поликлинических или стационарных условиях в зависимости от медицинских показаний (ч. 6, ст. 12 УИК РФ, п. 9 ст. 17 ФЗ-103).

В ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Рос-

сийской Федерации» (далее: ФЗ-323)² закреплены понятия «охрана здоровья граждан» и «медицинская помощь».

Так, *медицинская помощь* представляет собой комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг.

Под *охраной здоровья граждан* понимается система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи.

Таким образом, реализация указанных прав заключенных и осужденных предполагает: во-первых, обязанность учреждения УИС обеспечить охрану здоровья и необходимую квалифицированную медицинскую помощь при обращении за ней со стороны указанных лиц, во-вторых, реализовать доступ указанных лиц к свободному выбору вида медицинской помощи в тех случаях, если учреждение не будет иметь возможности удовлетворить потребность в таковой, в-третьих, ответственность учреждений и органов УИС за нарушение указанных прав заключенных и осу-

¹ Рос. газ. 1995. 20 июля.

² Там же. 2011. 23 нояб.

жденных в период их содержания под стражей и отбывания наказания.

Охрана здоровья лиц, содержащихся в учреждениях УИС, основывается в том числе и на укреплении психического здоровья человека, чему вполне способствует *психологическая помощь*.

На законодательном уровне понятие психологической помощи не сформулировано. В проекте Федерального закона № 553338–6 «О психологической помощи населению в Российской Федерации» указано, что «психологическая помощь – система профессиональных мер поддержки и содействия человеку, семье, социальной группе со стороны лиц, оказывающих психологическую помощь, в предупреждении, разрешении, преодолении психологических проблем, которые нарушают нормальную жизнедеятельность, и способствующих поддержанию психического здоровья, оптимизации психического развития, социальной адаптации, саморазвитию, самореализации и повышению качества жизни»¹.

Право на получение психологической помощи в действующем законодательстве, регулирующем вопросы исполнения и отбывания наказания, предусмотрено только для осужденных (ч. 6.1 ст. 12 УИК РФ). Заключение под стражей в рамках ФЗ-103 такого права не имеют. Кроме того, в приказе Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы» (далее: ПВР СИЗО)² роль психолога не связана с оказанием психологической

помощи заключенному, поскольку психолог оказывает содействие персоналу СИЗО при разрешении вопросов, связанных с размещением подозреваемых (обвиняемых) по камерам (абз. 2, 3 ст. 18, ст. 21 ПВР СИЗО). Отсутствие законодательного закрепления права заключенного на психологическую помощь тем не менее не связано с фактически оказываемой помощью и проведением специальных коррекционных мероприятий психологами психологических лабораторий СИЗО.

Поскольку специфика содержания подозреваемых (обвиняемых) в условиях СИЗО выражается прежде всего в режиме содержания, материально-бытовых, медико-санитарных и некоторых других условиях содержания (камерное размещение, ограничения в передвижении и поддержании связей с внешним миром, вынужденное общение с представителями криминальной субкультуры и пр.), психологическая помощь, способствующая в том числе поддержанию психического здоровья, оптимизации психического развития и адаптации заключенного под стражу к условиям содержания, является просто необходимой системой поддержки и содействия человеку, который еще не является виновным в совершении инкриминируемого ему деяния.

Вместе с тем именно заключенный под стражу, как правило, испытывает депрессию, стрессовые нагрузки и иные переживания в связи с фактом расследования уголовного дела, необходимостью выстраивать свою защиту по уголовному делу, лишением возможности продолжать обучаться, получать профессию или просто работать в привычном жизненном ритме, внутриличностными беспокойствами за родных

¹ URL: <http://asord.duma.gov.ru> (дата обращения: 15.10.2017).

² Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 2005. № 46.

и близких, оказавшихся лишенными материальной и моральной поддержки.

Социальная справедливость, провозглашенная в нормах уголовного права, не всегда обеспечена необходимыми правовыми инструментами. Социальная справедливость «торжествует» по отношению к осужденному, который признан виновным и отбывает уголовное наказание, но социальная справедливость не защищает такого осужденного с позиции создания правовых основ для обеспечения охраны здоровья и оказания квалифицированной медицинской, психологической и социальной помощи как в период отбывания наказания, так и после освобождения от него.

Проблема распространенности психических аномалий в учреждениях УИС.

В настоящее время в учреждениях УИС содержится значительное число лиц с психическими аномалиями. Под психической аномалией понимается обобщенная характеристика всех видов расстройств психической деятельности человека, не исключающих вменяемости, деструктивных форм поведения и иных отклонений, вызванных особенностями состояния психологического или психического здоровья, которые способны оказать отрицательное влияние на интеллектуальную и волевую сферы деятельности человека в период содержания под стражей или отбывания уголовного наказания.

Анализ исследовательских и статистических данных свидетельствует о том, что количество лиц, содержащихся в учреждениях УИС, на протяжении последних десятилетий всегда было весьма существенным. Например, число осужденных, имеющих психические аномалии и совершивших

умышленные убийства, хулиганство, изнасилование, кражи, грабежи и разбои, составляет более 50%, а среди совершивших тяжкие преступления против личности аномальные преступники составляют около 68%¹. Из 100% лиц, виновных (и осужденных к уголовным наказаниям. – примеч. авт.) в совершении преступлений и прошедших судебную психолого-психиатрическую экспертизу в Институте им. В. П. Сербского, в среднем 74–75% признаются имеющими те или иные психические отклонения, не устраняющие вменяемости². Среди лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, особенно за насильственные преступления, удельный вес психических аномалий составляет до 80% случаев³. Сведения об удельном весе психических аномалий среди лиц, совершивших преступления, в целом варьируются в весьма широком диапазоне (10–85%). Причина этого кроется, вероятно, в том, что в число аномалий, помимо расстройств, включают и акцентуации личности⁴. В местах лишения свободы оказывается несопоставимо большое количество лиц, страдающих психическими расстройствами⁵.

¹ Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. М., 1987. С. 13.

² Иванов Н. Г. Аномальный субъект преступления. М., 1998. С. 125.

³ Калманов Г. Б., Костюк М. Ф. Особенности уголовно-правовой ответственности за насильственные преступления у лиц с психическими аномалиями // Рос. следователь. 2012. № 21. С. 10–13.

⁴ Личность преступника и профилактика преступлений: монография / Ю. М. Антонян [и др.]. М., 2017. С. 129.

⁵ Спасенников Б. А., Спасельников С. Б. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве России. М., 2012. С. 25.

Если рассматривать исключительно медицинский аспект распространенности психических и наркологических заболеваний среди осужденных, содержащихся в учреждениях УИС, то доля таких лиц значительно превышает соответствующий показатель по России в целом. Так, на 1 января 2015 г. более 124,9 тыс. чел. (18,5% всех лиц, находящихся в учреждениях УИС) имели психическую патологию, из них 54,8 тыс. чел. с психическими расстройствами, 49,6 тыс. – больных наркоманией, 20,5 тыс. – больных алкоголизмом¹. Подчеркнем, что представленные сведения отражают исключительно медицинские (не психологические) сведения о распространенности психических расстройств среди осужденных, состоящих на учете у врача-психиатра, и о больных различными видами психических заболеваний, диагноз которых определяется международным классификатором болезней 10-го пересмотра (МКБ-10)².

Некоторые официальные статистические данные ФСИН России свидетельствуют о ежегодном приросте

числа осужденных к лишению свободы, имеющих различные степени выраженности психических отклонений. Анализ показывает, что в настоящее время в СИЗО сосредоточено около 30% заключенных с психическими аномалиями (более 37 000 чел.), а в исправительных колониях всех видов режима таких осужденных насчитывается почти 60%, т.е. более 300 000 чел.³.

Таким образом, распространенность психических аномалий среди лиц, содержащихся под стражей, а также осужденных к уголовным наказаниям, главным образом в виде лишения свободы, делает актуальным для пенитенциарной политики нашего государства вопрос о том, как следует строить работу с такими лицами с учетом поставленных целей уголовного наказания – предупреждение совершения со стороны осужденных и иных лиц новых преступлений. Этот вопрос в определенной степени заостряет внимание на смежных проблемах, связанных с реализацией действующих правовых норм и институтов гражданского общества по отношению к лицам, не способным в полной мере в отдельных случаях осознанно подходить к выбору того или иного варианта поведения, либо в полной мере руководить своими действиями, применением к осужденным основных средств исправления (воспитательное воздействие на заключенных под стражу), оказанием профессиональной и квалифицированной психиатрической,

¹ Доклад о результатах и основных направлениях деятельности на 2015–2017 годы Федеральной службы исполнения наказаний. Режим доступа: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/DROND%202015-2017.pdf>. С. 1–30.

² О переходе органов и учреждений здравоохранения Российской Федерации на международную статистическую классификацию болезней и проблем, связанных со здоровьем, X пересмотра» (вместе с «Планом основных мероприятий по переходу органов и учреждений здравоохранения Российской Федерации на МКБ-X на 1997–1998 годы», «Программой обучающего центра по внедрению международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, X пересмотра»): приказ Минздрава России от 27 мая 1997 г. № 170 // Здравоохранение. 1997. № 7.

³ Отчет о результатах деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы за 2011–2016 гг. Раздел «Сведения о работе психологов с осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми». Форма ПС-1. Код строк 18–22. С. 2.

психотерапевтической или психологической помощи и др. От того, насколько правильным будет восприятие заключенным под стражу или осужденным, имеющими психические аномалии, норм уголовного, уголовно-исполнительного и иного законодательства, будет зависеть в том числе и антикриминальное будущее таких лиц.

Проблема реализации права осужденного (заключенного) на психологическую помощь в деятельности персонала УИС.

Нормы права не всегда в полном объеме реализуются на практике. Если посмотреть на работу психологических служб, отделений, лабораторий и других структурных подразделений, входящих в психологическую службу УИС, можно заметить, что права осужденных и лиц, заключенных под стражу, обеспечить физически только психологу невозможно. Персонал УИС, осуществляющий непосредственную работу с спецконтингентом, т.е. имеющий личный контакт и способность воздействовать на поведение поднадзорных лиц (сотрудники воспитательных отделов, отделов надзора, мастера производственных мастерских и пр.), играет в настоящее время как никогда очень важную роль в решении задачи исправления осужденного (эффективного воспитательного воздействия в отношении заключенного) и достижения целей уголовного наказания.

Однако официальные статистические данные ФСИН России свидетельствуют о недостаточном внимании персонала УИС к необходимости проведения индивидуальных психокоррекционных мероприятий (далее: ИПМ). Это выражается в том, что персонал УИС все реже стал обра-

щаться с инициативой к психологу исправительного учреждения провести индивидуальную работу с заинтересованным лицом. Так, в исправительных колониях в 2011 г. из 547 220 ИПМ, проведенных сотрудниками психологических лабораторий, по заявке сотрудников было осуществлено только 73 491 ИПМ, т.е. каждое 7 ИПМ было инициировано со стороны персонала УИС. В 2016 г. этот показатель уже составил: всего – 763 986 ИПМ, по инициативе сотрудников – 65 176, т.е. каждое 12 ИПМ¹. С учетом известной в настоящее время концентрации в исправительных колониях всех видов режима наиболее опасных категорий осужденных, а именно: совершивших особо тяжкие преступления против личности, осужденных за преступления при рецидиве, опасном и особо опасном рецидиве, совершивших повторные преступления и т.п., а также того, что более половины из таких осужденных имеют более или менее выраженные психические аномалии, проведение ИПМ должно получить более широкое применение именно со стороны персонала УИС.

Если сравнивать статистические данные проведенных психологами СИЗО ИПМ в 2011 и 2016 гг. в отношении заключенных под стражу, то из общего числа проведенных ИПМ в 2011 г. (137 918) по заявке сотрудников СИЗО состоялось 16 310 (каждое 8 ИПМ), в 2016 г. такие показатели составили 204 207 и 16599 соответственно (каждое 12 ИПМ)².

Приведенные данные не могут не вызывать у нас определенные опасения. Речь идет, с одной стороны, о наличии

¹ Там же.

² Там же.

недопустимой корреляции показателей, отталкивающей психолога от персонала УИС, работающего с осужденными (заключенными) и, как следствие, диссонанса (недостаточной эффективности) в их совместной работе по исправлению осужденного (оказание эффективного воспитательного воздействия), с другой стороны, о снижении практической роли психолога в проведении работы с контингентом в условиях колоссальной нагрузки (в расчете количества осужденных (заключенных) на единицу сотрудника психологической лаборатории исправительной колонии или СИЗО). Другие статистические сведения о работе психологической службы в учреждениях УИС, практика работы психолога в учреждениях УИС с лицами, осужденными к лишению свободы и заключенными под стражу, и иные факторы говорят о низкой продуктивности оказания психологической помощи указанной категории лиц. Подчеркнем, что наиболее остро проблема стоит в отно-

шении тех осужденных и заключенных, которые имеют психические аномалии, каждая из которых при определенных провоцирующих обстоятельствах, объективно существующих условиях изоляции, может стать пусковым механизмом для совершения не только нарушений режима содержания или отбывания наказания, но и совершения общественно опасных деяний.

Таким образом, реализация права осужденного на получение квалифицированной психологической помощи имеет важное значение в правоприменительной практике. Совместные усилия общества, законодателя и правоприменителя по рассматриваемой проблеме могут реально создать эффективные условия для снижения уровня рецидива преступлений, предупреждения противоправной деятельности со стороны рассматриваемой категорий лиц как в период их содержания в учреждениях УИС, так и после их освобождения.

Библиографический список

1. Антонян Ю. М. Преступность и психические аномалии / Ю. М. Антонян, С. В. Бородин; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1987. – 208 с.
2. Иванов Н. Г. Аномальный субъект преступления / Н. Г. Иванов. – М.: Закон и право: ЮНИТИ, 1998. – 224 с.
3. Калманов Г. Б. Особенности уголовно-правовой ответственности за насильственные преступления у лиц с психическими аномалиями / Г. Б. Калманов, М. Ф. Костюк // Рос. следователь. – 2012. – № 21. – С. 10–13.
4. Антонян Ю. М. Личность преступника и профилактика преступлений: монография / Ю. М. Антонян [и др.]; под ред Ю. М. Антоняна. – М.: Проспект, 2017. – 220 с.
5. Спасенников Б. А. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве России / Б. А. Спасенников, С. Б. Спасенников. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 192 с.

Reference

1. Antonyan Yu. M., Borodin S. V. Crime and Mental Abnormalities. Ed. by V. N. Kudryavcev. M., Nauka, 1987. 208 p.
2. Ivanov N. G. Abnormal Subject of Crime. M., Zakon i Pravo, YuNITI, 1998. 224 p.
3. Kalmanov G. B., Kostyuk M. F. Features of Criminal Liability for Violent Crimes in Persons with Mental Abnormalities. Rossijskij Sledovatel'. 2012. No. 21. P. 10–13.
4. Antonyan Yu. M. et. al. The Identity of the Criminal and the Prevention of Crime. Ed. by Yu. M. Antonyan. M., Prospekt, 2017. 220 p.
5. Spasennikov B. A., Spasennikov S. B. Compulsory Medical Measures in the Criminal Law of Russia. M., Yurlitinform, 2012. 192 p.
6. Report on the Results and Main Activities for 2015–2017 of the Federal Penitentiary Service. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/DROND%202015–2017.pdf>.

6. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности на 2015–2017 годы Федеральной службы исполнения наказаний. – Режим доступа: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/DROND%202015–2017.pdf>.

7. Отчет о результатах деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы за 2011–2016 гг. Раздел «Сведения о работе психологов с осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми» (Форма ПС-1). Код строк 18–22. – Документ опубликован не был.

7. Report on the Results of the Psychological Service of the Penal System for 2011–2016. Section «Information on the Work of Psychologists with Convicted, Suspected and Accused» (Form PS-1). Line code 18–22. Document was not published.

Колосов Антон Сергеевич

ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Аннотация. Статья посвящена изучению института правовых ограничений в применении отдельных видов наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации. Автор рассматривает виды таких ограничений, формулирует их определение, а также анализирует проблему, возникающую в ситуации, когда виновному не может быть назначен ни один из видов наказаний, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации, уголовное наказание, правовые ограничения в применении уголовного наказания, виды уголовных наказаний

Kolosov Anton S.

LEGAL RESTRICTIONS, ASSOCIATED WITH THE USE OF CERTAIN TYPES OF CRIMINAL PENALTIES

Abstract. The article is devoted to the review of the institute of the legal restrictions in use of certain types of criminal penalties, envisaged in the Criminal Code of the Russian Federation. The author examines the types of such restrictions, formulates their definition and analyses the problem when the perpetrator cannot be assigned to any of the types of penalties envisaged in the relevant article of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: Criminal Code of the Russian Federation, criminal penalty, legal restrictions in use of criminal penalties, types of criminal penalties.

Нормы Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), регламентирующие применение различных видов наказаний, в ряде случаев называют условия, исключающие назначение того или иного вида наказания в отношении определенных категорий лиц, совершивших преступления.

Так, ч. 4 ст. 49 УК РФ устанавливает, что обязательные работы не назначаются лицам, признанным инвалидами первой группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, а также военнослужащим, проходящим военную службу по кон-

тракту на воинских должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву.

Аналогичные ограничения в применении наказания в виде исправительных работ установлены ч. 5 ст. 50 УК РФ.

Говоря о другом наказании, не связанном с изоляцией осужденного от общества, – ограничении свободы, законодатель указал на невозможность его применения в отношении всех военнослужащих, иностранных граждан, лиц без гражданства, а также лиц, не имеющих места постоянного проживания на территории Российской Федерации (ч. 6 ст. 53 УК РФ).

¹ © Колосов А. С., 2017

Нормы о самом «молодом» виде наказания в отечественном уголовном законодательстве – принудительных работах, карательные свойства которого связаны с принудительным привлечением к труду, содержат ограничения, касающиеся его применения, во многом аналогичные обязательным и исправительным работам. Из содержания ч. 7 ст. 53.1 УК РФ следует, что данный вид наказания не назначается несовершеннолетним, лицам, признанным инвалидами первой или второй группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, женщинам, достигшим пятидесятипятилетнего возраста, мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста, а также военнослужащим. Кроме того, в соответствии с ч. 1 указанной статьи принудительные работы не могут быть назначены лицам, совершившим особо тяжкое преступление, а также повторно совершившим тяжкое преступление.

Наказание в виде ареста, положения о котором, видимо, так и не получают практической реализации, в соответствии с ч. 2 ст. 54 УК РФ не может быть назначено лицам, не достигшим к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, а также беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет.

Ну и, наконец, в ч. 1 ст. 58 УК РФ содержатся ограничения в применении наиболее распространенного в судебной практике вида наказания – лишения свободы. Так, в соответствии с указанной нормой, данный вид наказания не может быть назначен осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, при отсутствииотягчающих обстоятельств, предусмо-

тренных ст. 63 УК РФ, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, а также за исключением случаев, когда соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

Кроме того, ч. 6 ст. 88 УК РФ ограничивает применение данного вида наказания в отношении несовершеннолетних, устанавливая правило о том, что наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые.

Что же касается наиболее строгих видов наказания, предусмотренных УК РФ, как то: пожизненное лишение свободы и смертная казнь, то ч. 2 ст. 57 и ч. 2 ст. 59 УК РФ устанавливают тождественные ограничения на их применение в отношении женщин, лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчин, достигших к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста.

Полагаем, что виды ограничений в применении различных уголовных наказаний, могут быть подразделены по трем группам признаков:

- 1) социально-биологические признаки (пол, возраст, инвалидность, беременность, наличие малолетних детей);
- 2) профессиональные и политико-правовые признаки (военнослужащие, иностранные граждане);
- 3) признаки, характеризующие совершение лицом преступления (со-

вершение преступления впервые, категория преступления, отсутствие отягчающих обстоятельств).

Устанавливая ограничения в применении отдельных видов наказаний, относящиеся к первой группе признаков, законодатель, вероятно, руководствовался принципами гуманизма, защиты интересов семьи, материнства и детства. Подобные ограничения видятся абсолютно обоснованными применительно к наиболее строгим видам наказаний: пожизненному лишению свободы и смертной казни. Решение законодателя ограничить применение видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества, на основании указанных признаков представляется небесспорным. Так, анализ правоприменительной практики показывает, что во многих случаях наличие указанных ограничений в применении наказаний в виде обязательных и исправительных работ приводит к назначению осужденным, относящимся к приведенному выше перечню, формально менее строгого наказания в виде штрафа либо более строгого наказания в виде лишения свободы условно. При этом анализ карательных свойств наказания в виде штрафа приводит большинство исследователей к обоснованному, по нашему мнению, выводу о том, что в современном его виде штраф в большинстве случаев является более строгим наказанием, нежели обязательные и исправительные работы¹. Аналогичные суждения в со-

¹ *Забавко Р. А.* Анализ практики назначения наказания за экологические преступления // *Адвок. практика.* 2017. № 3. С. 8–12; *Кашепов В. П.* Применение штрафа как вида уголовного наказания // *Комментарий судебной практики / отв. ред. К. Б. Ярошенко.* М., 2017. Вып. 22. С. 110–122, и др.

временной уголовно-правовой литературе встречаются и применительно к формально еще более строгому наказанию в виде ограничения свободы². Таким образом, ограничения в применении указанных видов наказаний нередко приводят к обратным, по сравнению с искомыми, результатам.

Подобные проблемы, вероятно, возникнут и при полноценном введении в действие наказания в виде принудительных работ, применение которого в настоящее время носит крайне ограниченный характер. По замыслу законодателя, ограничение свободы призвано стать реальной альтернативой лишению свободы в отношении осужденных, не представляющих повышенной общественной опасности, чье исправление возможно без реального отбывания наказания в местах лишения свободы. Поэтому, ограничивая применение данного наказания в отношении инвалидов второй группы, женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, лиц, достигших пенсионного возраста, законодатель в случае назначения им наказания в виде лишения свободы фактически лишает их возможности исправления вне мест лишения свободы, что, по нашему мнению, является несправедливым.

В связи с изложенным мы полагаем, что перечень ограничений, установленных в отношении применения наказаний в виде обязательных, испра-

² *Верина Г.* Ограничение свободы как вид уголовного наказания в свете законодательных новелл // *Уголов. право.* 2010. № 5. С. 8–10; *Гарбатович Д. А.* Проблемы эффективности уголовного наказания в виде ограничения свободы // *Рос. юстиция.* 2013. № 8. С. 32–35; *Сokolov И.* Проблемы назначения уголовного наказания в виде ограничения свободы // *Уголов. право.* 2011. № 5. С. 35–43.

вительных и принудительных работ, должен быть скорректирован в сторону уменьшения. Так, было бы разумным предусмотреть возможность назначения перечисленных видов наказания указанным категориям подсудимых с их согласия. Кроме того, применительно к инвалидам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, мы полагали бы возможным предусмотреть возможность назначения наказания в виде обязательных работ на меньший срок, чем предусмотрено ч. 2 ст. 49 УК РФ.

Подобное решение, по нашему мнению, позволит, не входя в противоречие с принципом гуманизма, расширить сферу применения наказаний, представляющих реальную альтернативу лишению свободы.

Еще более значимая в практическом плане проблема возникает в случаях, когда в силу многочисленных ограничений в применении различных видов уголовных наказаний подсудимому не может быть назначено ни одно из наказаний, предусмотренных санкцией статьи Особенной части УК РФ, по которой квалифицировано совершенное им преступление. На недопустимость подобной ситуации указывают многие видные ученые-криминалисты. Так, А. А. Толкаченко справедливо отмечает, что не должно быть субъектов, которым за совершенные преступления невозможно назначить (применить, заменить, исполнить) какое-либо наказание либо иную меру уголовно-правового характера¹.

Наиболее остро данная проблема встала после принятия Федерального

закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», расширившего перечень преступлений небольшой тяжести за счет отнесения к ним деяний, наказуемых лишением свободы на срок до трех лет. В результате проблема невозможности назначения подсудимому ни одного из видов наказаний, предусмотренных санкцией статьи Особенной части УК РФ, по подсчетам Ч. М. Исмаилова, распространилась на 66 составов преступлений, предусмотренных в 63 статьях УК РФ².

Нередко в подобных ситуациях суды прибегали к положениям ст. 64 УК РФ о назначении более мягкого вида наказания, чем предусмотрено санкцией статьи. В то же время подобная практика вряд ли могла быть признана соответствующей закону в связи с тем, что не исключительная совокупность смягчающих обстоятельств, как предписано законом, становилась в таком случае основанием для назначения более мягкого вида наказания, а невозможность назначения ни одного из наказаний, предусмотренных санкцией статьи, заставляла суд выискивать такую исключительную совокупность, что, безусловно, искажало сущность уголовно-правового института, предусмотренного ст. 64 УК РФ.

Попытка урегулировать данную ситуацию была предпринята Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в п. 26, 27 постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного

¹ Толкаченко А. А. Межотраслевые аспекты современного уголовно-правового регулирования // Уголов. право. 2015. № 2. С. 85–93.

² Исмаилов Ч. М. Несовершенство закона – как новое основание для смягчения наказания // Российская юстиция. 2016. № 4. С. 68–71.

наказания»¹. Так, Верховным Судом Российской Федерации разъяснено, что при наличии обстоятельств, препятствующих в соответствии с ч. 1 ст. 56 УК РФ назначению наказания в виде лишения свободы военнослужащим, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации, по статьям Особенной части УК РФ, в санкциях которых предусмотрено только лишение свободы и ограничение свободы, следует назначать более мягкое наказание, чем предусмотрено соответствующей статьей, без ссылки на ст. 64 УК РФ (п. 26 постановления). В том же случае, когда осужденному в силу положений, установленных законом, не может быть назначен ни один из предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ вид наказания (например, обязательные работы – в силу ч. 4 ст. 49 УК РФ, исправительные работы – в силу ч. 5 ст. 50 УК РФ, принудительные работы и арест – в связи с их неприменением в настоящее время, лишение свободы – в силу ч. 1 ст. 56 УК РФ), ему следует назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи. Ссылка на ст. 64 УК РФ в таком случае не требуется (п. 27 постановления).

Признавая безусловно позитивное значение данного разъяснения для устранения правовой неопределенности в рассматриваемой ситуации, все же вряд ли возможно считать его окончательным решением данной проблемы.

В настоящее время, принимая решение о назначении подсудимому наказания в подобной ситуации, суд,

несмотря на имеющиеся смягчающие и отягчающие обстоятельства, обязан назначить наказание более мягкое, чем предусмотрено санкцией статьи Особенной части УК РФ, и при этом лишен возможности сослаться в обоснование такого решения на какую-либо норму уголовного закона. Поэтому мы полагаем, что данная проблема должна быть урегулирована не только на уровне руководящих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, но и непосредственно в уголовном законе.

В связи с изложенным безусловный интерес вызывает предложение, сформулированное Ч. М. Исмаиловым, о дополнении УК РФ специальной нормой – ст. 64.1 «Назначение наказания ниже низшего предела, чем предусмотрено за данное преступление», в которой автор предлагает предусмотреть основания назначения подсудимому более мягкого наказания в случаях, когда не может быть назначен ни один из видов наказания, предусмотренных санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ².

Проведенный анализ позволяет нам сформулировать понятие правовых ограничений в применении видов уголовных наказаний, под которыми мы предлагаем понимать содержащиеся в нормах Общей части УК РФ признаки, связанные с биосоциальными, профессиональными и политико-правовыми характеристиками лица, совершившего преступления, а также юридическими особенностями совершенного им деяния, которые исключают применение того или иного вида уголовного наказания в отношении конкретного лица, совершившего преступление.

¹ Рос. газ. 2015. 29 дек.

² Исмаилов Ч. М. Указ. соч.

Завершая статью отметим, что проблема правовых ограничений в сфере применения уголовного наказания является далеко не исчерпанной и ну-

ждается в дальнейшем глубоком теоретическом осмыслении и практическом исследовании.

Библиографический список

1. Верина Г. Ограничение свободы как вид уголовного наказания в свете законодательных новелл / Г. Верина // Уголов. право. – 2010. – № 5. – С. 8–10.
2. Гарбатович Д. А. Проблемы эффективности уголовного наказания в виде ограничения свободы / Д. А. Гарбатович // Рос. юстиция. – 2013. – № 8. – С. 32–35.
3. Забавко Р. А. Анализ практики назначения наказания за экологические преступления / Р. А. Забавко // Адвокат. практика. – 2017. – № 3. – С. 8–12.
4. Исмаилов Ч. М. Несовершенство закона – как новое основание для смягчения наказания / Ч. М. Исмаилов // Рос. юстиция. – 2016. – № 4. – С. 68–71.
5. Кашепов В. П. Применение штрафа как вида уголовного наказания / В. П. Кашепов // Комментарий судебной практики / отв. ред. К. Б. Ярошенко. – М.: Юрид. фирма «Контракт», 2017. – Вып. 22. – С. 110–122.
6. Соколов И. Проблемы назначения уголовного наказания в виде ограничения свободы / И. Соколов // Уголов. право. – 2011. – № 5. – С. 35–43.
7. Толкаченко А. А. Межотраслевые аспекты современного уголовно-правового регулирования / А. А. Толкаченко // Уголов. право. – 2015. – № 2. – С. 85–93.

Reference

1. Verina G. Restriction of Freedom as a Form of Criminal Punishment in the Light of Legislative Innovations. *Ugolovnoe Pravo*. 2010. No. 5. P. 8–10.
2. Garbatovich D. A. The Effectiveness of Criminal Punishment in the Form of Restraint of Freedom. *Rossiyskaya Yusticiya*. 2013. No. 8. P. 32–35.
3. Zabavko R. A. Analysis of the Practice of Imposing Punishment for Environmental Crimes. *Advokatskaya Praktika*. 2017. No. 3. P. 8–12.
4. Ismailov Ch. M. Imperfection of the Law – as a New Basis for Mitigating Punishment. *Rossiyskaya Yusticiya*. 2016. No. 4. P. 68–71.
5. Kasepov V. P. The Application of a Fine as a Form of Criminal Punishment. Comment of Judicial Practice. Ed. by K. B. Yaroshenko. M., Yuridicheskaya Firma «Kontrakt», 2017. Iss. 22. P. 110–122.
6. Sokolov I. The Problems of Criminal Punishment in the Form of Restriction of Freedom. *Ugolovnoe Pravo*. 2011. No. 5. P. 35–43.
7. Tolkachenko A. A. Cross-sectoral Aspects of Modern Criminal Law Regulation. *Ugolovnoe Pravo*. 2015. No. 2. P. 85–93.

Митропан Ирина Юрьевна

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА ОДНОСТОРОННИЙ ОТКАЗ ОТ ДОГОВОРА ОКАЗАНИЯ УСЛУГ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности договора возмездного оказания услуг, в частности, к коим относится право исполнителя на немотивированный односторонний отказ от исполнения договора, а также проанализированы различные варианты правовых последствий рассматриваемых действий.

Ключевые слова: договор оказания услуг, отказ от договора, ограничение прав.

Mitropan Irina Yu.

RESTRICTION OF THE RIGHT TO UNILATERAL REFUSAL OF THE SERVICE CONTRACT

Abstract. The article discusses the features of a contract for the provision of services for value, in particular, to which the contractor's right to an unmotivated unilateral refusal to perform the contract applies, and various options for the legal consequences of the actions under consideration are analyzed.

Key words: service contract, contract orders, restriction of rights.

Всякий договор является результатом выражения автономной воли, реализации гражданской правосубъектности, важным и основополагающим звеном которой является принцип свободы договора. Однако, по мнению И. А. Покровского, этот принцип служит «одним из краеугольных камней всего современного гражданского строя» и «имеет свое отрицательное и положительное выражение»². Проанализировав нормы о договоре оказания услуг и возможности отказа от этого договора, можно прийти к выводу о дуализме договорной свободы относительно права на немотивированный отказ. Следуя важнейшему девизу договорного права *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться), участники гражданских правоотношений принимают на себя

обязанность исполнения договоренности о соблюдении условий договора, что позволяет обеспечить для каждой стороны результат этих договоренностей и в целом стабильность договорных отношений. Так, исполнитель по договору оказания услуг должен выполнить работы или оказать заказчику услуги, предусмотренные соглашением, а заказчик обязан принять выполненную работу и «оплатить оказанные ему услуги в сроки и в порядке, которые указаны в договоре возмездного оказания услуг» (ст. 781 ГК РФ).

Особенностью договора возмездного оказания услуг является право исполнителя на немотивированный односторонний отказ от исполнения договора. При этом, по общему правилу, «он обязан полностью возместить заказчику убытки» (п. 2 ст. 782 ГК РФ). Заказчик также вправе отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг. При этом в его обя-

© Митропан И. Ю., 2017

² Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2013. С. 248.

занность входит оплата «исполнителю фактически понесенных им расходов» (п. 1 ст. 782 ГК РФ).

Односторонний отказ от исполнения договора влечет те же последствия, что и расторжение по соглашению его сторон или по решению суда¹.

По своей сути, право на немотивированный отказ в некоторой степени лишает договорные отношения стабильности, а заказчик не может до конца быть уверен, что услуга, предусмотренная соглашением, будет своевременно исполнена. Логичным является вопрос: а возможно ли ограничить предоставленное ст. 782 ГК РФ право исполнителя на односторонний отказ от договора?

В теории вопрос ограничения договорной свободы не достаточно глубоко изучен. Однако общее мнение ученых по данному вопросу можно выразить следующим образом: «Эта свобода не может быть безграничной»². По мнению И. А. Покровского, «известные ограничения принципа договорной свободы неизбежны, и весь вопрос заключается только в том, как далеко они могут идти и в каких терминах они могут быть выражены»³.

Нам представляется необходимым проанализировать судебную практику и выявить главные позиции высших судов, чтобы ответить на этот вопрос.

В тексте ст. 782 ГК РФ прямо не указано, можно ли ограничить право заказчика на немотивированный односторонний отказ. В судебной же практи-

ке единой позиции по данной проблеме нет. Следовательно, есть риск, что изменение ст. 782 ГК РФ в договоре суд признает недействительным.

До недавнего времени ВАС РФ считал ст. 782 ГК РФ императивной и признавал ничтожными любые отклонения или добавления к ее тексту, хотя нижестоящие суды иногда считали иначе.

Более поздняя позиция ВАС РФ была сформулирована в постановлении Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» (далее: постановление № 16)⁴. Обозначив критерии императивности и диспозитивности норм договорного и обязательственного права, ВАС РФ установил общую презумпцию диспозитивности нормы ГК РФ, за исключением случаев, когда в самой норме указано на ничтожность соглашения об ином. При этом ВАС РФ в п. 4 постановления № 16 прямо указал, что «положения статьи 782 ГК РФ... не исключают возможность согласования сторонами договора иного режима определения последствий отказа от договора (например, полное возмещение убытков при отказе от договора как со стороны исполнителя, так и со стороны заказчика) либо установления соглашением сторон порядка осуществления права на отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг (в частности, односторонний отказ стороны от договора, исполнение которого связано с осуществлением обеими его сторонами предпринимательской деятельности, может быть обусловлен необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне)».

¹ О последствиях расторжения договора: постановление Пленума Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации от 6 июня 2014 г. № 35. П. 1, абз. 2 // Вестн. Влш. Арбитр. Суда Рос. Федерации. 2014. № 8.

² Покровский И. А. Указ. соч. С. 249.

³ Там же. С. 249.

⁴ Вестн. Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации. 2014. № 5.

При этом ВАС РФ указал на то, что суд может и не применить условие о плате за односторонний отказ для более слабой стороны, если эта плата явно несоразмерна потерям другой стороны от досрочного прекращения договора (абз. 4 п. 9 постановления № 16).

Однако признав теоретическую возможность ограничения права на отказ в самом тексте договора оказания услуг, ВАС РФ не решил окончательно и однозначно проблему дальнейшей судебной практики по этому вопросу.

Нет и однозначной позиции ВС РФ по этой проблеме, и, как следствие, судебная практика тоже очень противоречива. На наш взгляд, п. 16 постановления Пленума ВС РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского Кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»¹ о праве судов полностью или частично отказать во взыскании несоразмерной платы за отказ от договора можно применить к договору оказания услуг, если только ст. 782 ГК РФ действительно признать диспозитивной.

Участники договора, несмотря на недостаточно четкую позицию судов относительно возможного включения в текст соглашения условия, ограничивающего право исполнителя или заказчика на немотивированный отказ, пытаются ограничить свои риски путем включения условий: 1) о плате за односторонний отказ и 2) об отсрочке вступления отказа в силу.

Плата за отказ от исполнения договора – это наиболее очевидный способ защиты интересов сторон. Является ли такое ограничение правомерным и не нарушает ли оно договорную свободу?

¹ Рос. газ. 2016. 5 дек.

В изученной нами судебной практике нет однозначной позиции по данному вопросу. Если руководствоваться одной из них, то стороны вправе согласовать плату за отказ. При этом данное решение подтверждает и диспозитивность ст. 782 ГК РФ².

Иная позиция сводится к тому, что денежная компенсация, предусмотренная сторонами в договоре – это санкция, выступающая ограничением установленного законом права заказчика на отказ от услуг, что само по себе не допустимо³.

Особенно часто суды признают ничтожными условия договора, которые полностью исключают односторонний отказ.

Разнообразие подходов непосредственно связано, конечно же, с формулировкой условий об отказе, размером платы за него и аргументами сторон, но в большей степени, как нам кажется, все зависит от личного восприятия судьями ст. 782 ГК РФ как императивной либо диспозитивной.

Для возможного применения в договорной конструкции ограничения на отказ и во избежание судебного решения о недопустимости платы за отказ можно воспользоваться ст. 406.1 ГК РФ и включить в договор условие о возмещении потерь в определенном размере. Формально отказ от договора не является его нарушением, а возмещение потерь можно устанавливать как раз на тот случай, когда наступили об-

² Постановление Арбитражного суда Вост.-Сиб. округа от 2 сент. 2016 г. по делу № А33-20440/2015. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/65yFJZBYEvZl>.

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 1 дек. 2014 г. по делу № А40-186042/2013. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/fRkptOSxiHgX/>.

стоятельства, которые не связаны с нарушением обязательств.

Оптимизировать договорные условия об отказе можно и с помощью установления условия об отсрочке действия отказа. Такая отсрочка возможна путем установления срока, с которого отказ вступает в силу. Данный достаточно популярный способ ограничения тоже встречает неоднозначную судебную позицию. Преимущество данного способа ограничения – условия об отсрочке не налагают на заказчика дополнительных финансовых последствий и, по сути, не меняют текст ст. 782 ГК РФ.

Так, условие договора, согласно которому отказ вступал в силу через 6 мес. с момента получения уведомления контрагентом, лишь дополняет и регулирует установленное нормой ГК РФ правило об отказе. Негативное восприятие возможного условия об отсрочке и позиция о его ничтожности опять-таки связаны с признанием судами нормы ст. 782 ГК РФ императивной.

Для того чтобы снизить риски признания ничтожным такого ограничения, можно предусмотреть в договоре право исполнителя на досрочное и частичное исполнение, либо, по возможности, установить в договоре этапы предоставления услуг. Это поможет за период отсрочки выполнить отдельные услуги и потребовать платы за их исполнение.

По сути, предлагаемые нами меры по ограничению на использование пра-

ва на отказ от договора оказания услуг, сталкиваясь с жесткой позицией судов, отвергающих все возможные толкования ст. 782 ГК РФ, сами по себе подвергаются ограничению. Этому суды находят лишь одно объяснение, признавая императивный характер ст. 782 ГК РФ. Однако, на наш взгляд, это приводит к ограничению договорной свободы и не допускает применения сторонами условий договора, отступающих от правила, установленного нормой ГК РФ. Ограничивать свободу договора в этом случае не оправданно, тем более что дополнительные условия об отказе не затрагивают ни публичный интерес, ни интерес третьих лиц. Договорная свобода и ее ограничения всегда представляла огромный интерес для цивилистов. Как отмечал М. И. Брагинский, «при всем значении свободы договоров она, как и любая иная свобода, имеет свои пределы»¹. Поэтому одним из важнейших вопросов, связанных с изучением теории и практики этого явления, был вопрос определения видов ограничений договорной свободы и их возможных пределов. При этом, по мнению И. А. Покровского, «каждое установленное ограничение подлежит, разумеется, оценке с точки зрения своей желательности и целесообразности...»².

¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. М., 2001. С. 153.

² Покровский И. А. Указ. соч. С. 249.

Библиографический список

1. Брагинский М. И. Договорное право: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: Статут, 2001. – С. 847.
2. Калемина В. В. Договорное право: учеб. пособие / В. В. Калемина, Е. А. Рябинка. – М.: Омега-Л, 2008. – 239 с.
3. Карапетов А. Г. Свобода договора и пределы императивности норм гражданского права / А. Г. Карапетов // Вестн. ВАС РФ. – 2009. – № 9. – С. 100–133.
4. Карапетов А. Г. Свобода договора и ее пределы. В 2 т. Т. 1 / А. Г. Карапетов, А. И. Савельев. – М.: Статут, 2012. – 452 с.
5. Карапетов А. Г. Свобода договора и ее пределы. В 2 т. Т. 2. / А. Г. Карапетов, А. И. Савельев. – М.: Статут, 2012. – 369 с.
6. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – М.: Статут, 2013. – 352 с.

References

1. *Braginskij M. I., Vitryanskij V. V.* Contract Law: General Provisions. M., Statut, 2001. 847 p.
2. *Kalemina V. V.* Contract Law. M., Omega-L, 2008. 239 p.
3. *Karapetov A. G.* Freedom of Contract and the Limits of the Imperative of Civil Law. Vestnik VAS RF. 2009. No. 9. P. 100–133.
4. *Karapetov A. G., Savel'ev A. I.* Freedom of Contract and its Limits. In 2 vol. Vol. 1. M., Statut, 2012. 452 p.
5. *Karapetov A. G., Savel'ev A. I.* Freedom of Contract and its Limits. In 2 vol. Vol. 1. M., Statut, 2012. 369 p.
6. *Pokrovskij I. A.* The Main Problems of Civil Law. M., Statut, 2013. 352 p.

**Евтюшкина Ксения Игоревна,
Пикина Татьяна Владимировна,**

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА
ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЯМ, СВЯЗАННЫМ И НЕ СВЯЗАННЫМ
С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ**

Аннотация. В статье исследуется правовое положение осужденных к наказаниям, связанным и не связанным с лишением свободы, в сфере уголовных правоотношений.

Ключевые слова: правовой статус, уголовные правоотношения, субъект уголовно-правового статуса.

**Evtyushkina Kseniya I.
Pikina Tat`yana V.,**

**COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF CRIMINAL LEGAL STATUS
OF PERSONS SENTENCED TO PUNISHMENT, WHETHER OR NOT RELATED
TO DEPRIVATION OF LIBERTY**

Abstract. The article investigates the legal status of persons sentenced to punishment, whether or not related to deprivation of liberty in the sphere of criminal legal relations.

Key words: legal status, criminal matter, the subject of criminal legal status.

Правовой статус человека – это центральный институт всех отраслей права. Во главу угла его ставят такие научные отрасли, как конституционное, гражданское, семейное, трудовое и др. Отрасль уголовного права рассматривает правовой статус личности в качестве базовой категории и определяет особый вид правового статуса – отраслевой уголовно-правовой статус личности. Его образуют такие права и обязанности, которые конкретнее выделяют отношения личности с обществом.

В общей теории права принято выделять три основных вида правовых статусов личности: общий правовой статус граждан, специальный правовой статус какой-либо категории граждан и индивидуальное правовое положение гражданина.

В сфере действия уголовного права категория правового статуса личности представляется, как пишут А. И. Чучаев и А. А. Крупцов, в трех аспектах: 1) «уголовное право уточняет границы юридических возможностей человека в обществе, конкретизируя сферу правовой свободы личности посредством установления уголовно-правового запрета; 2) уголовный закон, привлекая лицо к уголовной ответственности и назначая ему уголовное наказание, обременяет тем самым данное лицо; 3) действенность и актуальность уголовно-правового законодательства являются одними из важнейших гарантий реализации субъектами своих прав и обязанностей»².

² Чучаев А. И., Крупцов А. А. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина: понятие и характеристика: монография. М., 2010. С. 62.

Согласимся с предложением А. Н. Фоменко, который в рамках своего научного труда определил, что уголовно-правовым статусом обладает личность как субъект уголовных правоотношений¹. Но личность – это многогранное понятие, поэтому мы в настоящей статье сузим его и поговорим об уголовно-правовом статусе осужденных.

Мы солидарны с позицией Г. О. Петровой, которая под уголовно-правовым статусом понимает «такое правовое положение, при котором лицо способно от рождения обладать правом на защиту от преступлений и имеет возможность реализовать это право в любой момент, а также способно нести ответственность за совершенное преступление при наличии вменяемости, возраста, по достижении которого лицо обязано отвечать за совершенное преступление, и других обстоятельств, указанных в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном и иных законах и подзаконных актах»².

Элементами уголовно-правового статуса, на наш взгляд, выступают следующие категории: 1) права осужденных; 2) их обязанности; 3) ответственность; 4) уголовно-правовые нормы (включая принципы уголовного законодательства). В статье мы рассмотрим некоторые из элементов, которые, по нашему мнению, являются наиболее значимыми при сравнении уголовно-правового статуса личности

осужденных к наказаниям как связанным, так и не связанным с лишением свободы.

Неотъемлемым элементом уголовно-правового статуса осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, являются права и свободы.

Основной закон страны³ признает, гарантирует права и свободы человека и гражданина и обеспечивает их неотчуждаемость. Однако даже высшая ценность государства, общества и каждого человека – его права и свободы – могут быть ограничены в определенных законом случаях, если происходит нарушение прав и свобод других лиц (ч. 3 ст. 17).

Осужденные к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, ограничены в таких конституционных правах, как, во-первых, право каждого на свободу и личную неприкосновенность. Ограничивается данное право в силу норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, в части, касающейся запрета выхода из постоянного места жительства в определенное время суток, участия в публичных мероприятиях, изменения места жительства без уведомления органа, исполняющего наказание. Близки к такого рода ограничениям запреты, установленные законом в отношении права свободного передвижения и выбора места пребывания.

Во-вторых, в соответствии с ч. 2–4 ст. 32 Конституции РФ, осужденные к наказаниям, альтернативным лишению свободы, ограничены в избирательных правах, касающихся

¹ Фоменко А. Н. Теоретические аспекты определения уголовно-правового статуса потерпевшего // Бизнес в законе. 2013. № 1. С. 44.

² Петрова Г. О. Уголовно-правовой статус и его виды // Вестн. Нижегород. ин-та им. Н. И. Лобачевского. Серия «Право». 2003. № 1. С. 220.

³ Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. № 31, ст. 4398.

активного волеизъявления на выборах (право быть избранным отсутствует). А вот право выбирать (пассивное избирательное право) за осужденными сохранили.

«Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности», – гласит ч. 1 ст. 34 Основного закона РФ. Однако если гражданин осужден к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (например, за получение взятки), он автоматически лишается этого права на определенный срок.

Часть 2 ст. 37 Конституции РФ запрещает принудительный труд, но это не относится к наказаниям в виде обязательных, исправительных или же принудительных работ.

Конституционное и уголовное законодательство предусматривает максимальные ограничения гарантированных гражданам прав, соблюдая при этом права осужденных, их законные интересы в процессе применения наказаний, связанных с изоляцией осужденных от общества. При этом подобные ограничения являются необходимыми правовыми рычагами администрации исправительных учреждений в целях эффективного достижения целей наказания.

Кроме всего вышеперечисленного, у осужденных к лишению свободы ограничено еще и право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Положение ч. 5 ст. 29 Основного закона, запрещающее цензуру, на осужденных к лишению свободы не распространяется, поскольку в ис-

правительных учреждениях контроль и цензура входящей и исходящей корреспонденции спецконтингента являются обязанностью сотрудников соответствующих подразделений. Помимо этого, осужденные лишаются права на создание профессиональных союзов, а также проведение митингов, собраний, шествий, демонстраций и пикетирований.

Необходимо отметить, что пенитенциарное законодательство не разделяет права осужденных, в зависимости от наказаний, назначенных им по приговору суда.

Анализ юридической природы специальных обязанностей лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, в качестве следующего элемента уголовно-правового статуса, позволяет нам выделить их следующие характерные черты:

1) имеют строго юридический характер (является обязанностью к исполнению для лиц, содержащихся в исправительном учреждении, которые предусмотрены действующим уголовно-исполнительным законодательством);

2) являются средствами обеспечения нормального функционирования и жизнедеятельности исправительного учреждения;

3) имеют карательную сущность (призваны обеспечить восстановление социальной справедливости);

4) являются временными мерами принудительного воздействия, так как срок их действия ограничен временем пребывания осужденного в исправительном учреждении (после отбытия лицом наказания утрачивают свою юридическую силу).

Одной из проблем является законодательная регламентация специальных обязанностей осужденных к лишению свободы в действующем законодательстве, в частности, недостаточная степень полноты их отражения и конкретизации.

Обязанности осужденных к наказаниям без изоляции от общества регламентируются в зависимости от вида назначенного наказания (например, осуществлять общественно полезные работы, прибыть в установленный срок в уголовно-исполнительную инспекцию для отметки).

Таким образом, мы видим наличие зависимости статуса от отношений: как

уголовные правоотношения формируют статус, так и уголовно-правовой статус позволяет лицам участвовать в уголовных правоотношениях. Следует отметить, что уголовно-правовой статус – динамичная категория, разграничивающая осужденных к наказаниям с изоляцией и без изоляции от общества. Обладатели уголовно-правового статуса, вступая в уголовные правоотношения, имеют комплекс прав и обязанностей, урегулированных уголовным законодательством, а также несут полную юридическую ответственность за совершение тех или иных действий, как и субъекты иных отраслевых статусов.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.: с учетом поправок, внес. законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ] // Рос. газ. – 2009. – 21 янв.
2. Петрова Г. О. Уголовно-правовой статус и его виды / Г. О. Петрова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия «Право». – 2003. – № 1. – С. 216–227.
3. Фоменко А. Н. Теоретические аспекты определения уголовно-правового статуса потерпевшего / А. Н. Фоменко // Бизнес в законе: экономико-юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 43–46.
4. Чучаев А. И. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина: понятие и характеристика: монография / А. И. Чучаев, А. А. Крупцов. – М.: Проспект, 2010. – 312 с.

References

1. Constitution of the Russian Federation. *Rossiyskaya Gazeta*. 2009. Jan. 21.
2. Petrova G. O. The Criminally-legal Status and its Kinds. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. Seriya «Pravo»*. 2003. No. 1. P. 216–227.
3. Fomenko A. N. Theoretical Aspects of Determining the Criminal Status of the Victim. *Biznes v Zakone*. 2013. No. 1. P. 43–46.
4. Chuchaev A. I., Krupczov A. A. The Criminal Legal Status of a Foreign Citizen: the Concept and Characteristics. M., Prospekt, 2010. 312 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бочкарев Александр Евгеньевич,
судья Владимирского областного суда
кандидат юридических наук
E-mail: bochkarev.ae@inbox.ru

Евтюшкина Ксения Игоревна,
курсант 5-го курса
юридического факультета
ВЮИ ФСИН России
E-mail: ksuevtu1996@mail.ru

Илюхин Андрей Владимирович,
доцент кафедры теории государства
и права, международного и европейского
права Академии права и управления
Федеральной службы
исполнения наказаний
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: andrew062@mail.ru

Илюхина Вера Александровна,
доцент Института Академии права
и управления Федеральной службы
исполнения наказаний
по кафедре теории государства и права,
международного и европейского права
кандидат юридических наук
E-mail: eva3011@bk.ru

Кисляков Антон Валерьевич,
заведующий
экспертно-лабораторным комплексом
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук
E-mail: Antonval77@mail.ru

Колосов Антон Сергеевич,
доцент кафедры судебной деятельности
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: kolosov.anton@gmail.com

Bochkarev Aleksandr E.,
Judge of the Vladimir Regional Court
PhD (Law)

Evtuyushkina Kseniya I.,
Cadet 5th Course
of Faculty of Law
of VLI of the FPS of Russia

Ilyukhin Andrey V.,
Associate Professor at the Department
of Theory of State and Law, International
and European Law Academy
of Law and Management
Federal Penitentiary Service
PhD in Law, Associate Professor

Ilyukhina Vera A.,
Associate Professor at the Institute
of the Academy of Law
and Management Federal Penitentiary
Service in the Department of Theory
of State and Law,
international and European law
PhD

Kislyakov Anton V.,
Head of Expert-laboratory Complex
of Law Institute
named after M. M. Speransky of VISU
PhD (Law)

Kolosov Anton S.,
Assistant Professor Department
of Judicial Work of Law Institute
named after M. M. Speransky of VISU
PhD (Law), Associate Professor

Колосова Татьяна Евгеньевна,
ассистент кафедры гражданского права
и процесса Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: tat1892@yandex.ru

Кулакова Анна Александровна,
доцент кафедры гражданского права
и процесса Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: annakulakova33@yandex.ru

Малышкин Александр Викторович,
председатель
Владимирского областного суда,
заведующий кафедрой
судебной деятельности
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: oblsud.wld@sudrf.ru

Митропан Ирина Юрьевна,
ассистент кафедры гражданского права
и процесса Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: Mitropan_irina@mail.ru

Пикина Татьяна Владимировна,
преподаватель кафедры управления
и административно-правовых дисциплин
юридического факультета
ВЮИ ФСИН России
E-mail: Vipikin@mail.ru

Якушев Павел Алексеевич,
судья Владимирского областного суда,
доцент кафедры судебной деятельности
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук, доцент,
E-mail: Yakushev.PA@yandex.ru

Kolosova Tat'yana E.,
assistant of Civil Law
and Procedure Department
of Law Institute named after
M. M. Speransky of VISU

Kulakova Anna A.,
Assistant Professor of Civil Law
and Procedure Department
of Law Institute named after
M. M. Speransky of VISU
PhD (Law), Associate Professor

Maly'shkin Aleksander V.,
Chairman of Vladimir Regional Court,
Head of Court Activity Department
of Law Institute named after
M. M. Speransky of VISU
PhD (Law), Associate Professor

Mitropan Irina Yu.,
Assistant Lecturer of Civil Law and Procedure
Department of Law Institute
named afret M. M. Speransky of VISU

Pikina Tat'yana V.,
Lecturer of Management
and Administrative Law Studies Department
of VLI of the FPS of Russia

Yakushev Pavel A.,
Judge of the Vladimir Regional Court,
Assistant Professor of Judicial Work
Department of Law Institute named after
M. M. Speransky of VISU
PhD (Law), Associate Professor